

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

**С КРАТКИМ
ВИЗИТОМ**
Сергей Высоцкий

Любимый детектив

Сергей Высоцкий

С кратким визитом (сборник)

«ВЕЧЕ»

2006, 2013, 2015, 2016

Высоцкий С. А.

С кратким визитом (сборник) / С. А. Высоцкий — «ВЕЧЕ»,
2006, 2013, 2015, 2016 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7528-3

В книгу признанного мастера детективного жанра Сергея Александровича Высоцкого (1931 г.р.) вошел ряд его произведений, частично публикуемых впервые. В романе «С кратким визитом» курьер приносит бизнесмену Седикову домой конверт с крупной суммой в американских долларах. Опасаясь провокации, последний нанимает частного сыщика Владимира Фризе, чтобы выяснить, откуда поступили деньги и кому они в действительности принадлежат. Повесть «Чеки» – о том, как вышедший на пенсию генерал Игорь Васильевич Корнилов успешно расследует убийство, произошедшее сто лет назад...

ISBN 978-5-4484-7528-3

© Высоцкий С. А., 2006, 2013, 2015,
2016

© ВЕЧЕ, 2006, 2013, 2015, 2016

Содержание

С кратким визитом	6
Пакет	6
Частный сыщик	10
Простые вопросы – простые ответы	17
Ах, мой милый Августин...	21
Апельсиновая	24
Рамодин терпит фиаско	29
«О чем невозможно говорить, о том следует молчать»	31
Сюрприз	33
Что же в итоге?	41
Джентльмены говорят намеками	43
Соглашение	45
Стоп-топ	48
Ликвидация	51
Фризе трубит отбой	55
Девичник	57
Неожиданный поворот	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Высоцкий

С кратким визитом (сборник)

* * *

© Высоцкий С. А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

С кратким визитом Открытый роман

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познал.

Св. Апостол Павел, Первое Послание к коринфянам. Глава 13, с. 12

Пакет

Седиков не сразу сообразил, откуда идут настойчивые гудки: от телефонного аппарата, переговорного устройства подъезда? Или от звонка в квартиру? Чертыхнувшись, он несколько секунд стоял в нерешительности, пока наконец не понял, что названивают из подъезда. Сигнал переговорного устройства был чуть басовитее других. И с приятной хрипотцой. Как подсевший голос взволнованной женщины.

- Экспресс-доставка! Вам ценный пакет.
- Сейчас открою.

Седиков нажал на кнопку электронного звонка и услышал, как загудел зуммер открывающейся двери подъезда. Август Николаевич помчался в ванную, чтобы смыть с лица пену и надеть халат. Но с половины дороги вернулся – снизу опять перезвонили.

– Я же открыл дверь! – сердито сказал Седиков, сняв трубку.

– Август Николаевич, у меня запарка, – доложил курьер. – Я засунул конверт в почтовый ящик.

– А расписаться не надо?

Но вопрос повис в воздухе – курьер уже отключился. А Седиков наконец смыл с лица пену, торопливо натянул джинсы и пуловер и, не вызывая лифта – благо жил на третьем этаже, – спустился в вестибюль. К почтовым ящикам. Ценные письма, решил он, нельзя надолго оставлять без присмотра. Даже в таком респектабельном доме, в каком он обитал уже более тридцати лет.

В вестибюле не было ни души, а на будке вахтера висел замок. Седиков похвалил себя за расторопность – без дежурного какой-нибудь блудливый парнишка мог бы тут же опустошить почтовый ящик. И – прощай ценное послание. Если это действительно послание, а не пакет с рекламой стиральных порошков или приглашение заглянуть в автомагазин и выиграть новенькую тачку. «Рено» или «фольксваген».

Пакет оказался на месте. Обычный продолговатый конверт без почтовых штампов. Не слишком толстый, но увесистый. Поднимаясь на лифте, Август Николаевич внимательно рассмотрел его. Чистенький, не залапанный. Его имя, отчество и фамилия оттиснуты золотыми выпуклыми буквами. Словно адресата приглашали на званый обед и – из особого уважения – вложили в конверт меню и карту вин.

– Интересно, интересно, – пробормотал Седиков, не обнаружив обратного адреса. И перевернул конверт – с обратной стороны он был девственно-чист.

«Реклама, – подумал Август Николаевич. – Опять реклама. Мальчишка меня надул. Только зачем? Сунул бы молча конверт в почтовый ящик, как делают все рекламные ходоки, и отправился дальше. Ни номера дома, ни номера квартиры. И не стал бы перезванивать, предупредить, что ценный – именно ценный! – пакет он положил в почтовый ящик. Ведь нет на конверте ни номера дома, ни номера квартиры! Да и пакет с рекламой не выглядел бы столь

парадно. Золотое тиснение имени адресата – не слишком ли накладно для рекламы стиральных порошков?»

– Странно, странно...

Август Николаевич приблизил конверт к уху и осторожно потряс. Мысль о «порошке» вызвала в нем ассоциацию со зловещими конвертами, начиненными спорами сибирской язвы и повергшими в шок всю Америку. Но в его конверте ничего не шуршало и не пересыпалось. Непохоже, чтобы это был привет от неуловимого Бен Ладена или косящих под него американских фашистов, со спорами сибирской язвы. Напротив. Конверт наводил на мысли о чем-то нежном и интимном. От него исходил слабый аромат дорогих духов или туалетной воды.

Дома Седиков положил конверт на стол и еще раз изучил его. Но ничего нового не обнаружил.

Были случаи, вспомнил он, когда в почтовые отправления закладывали пластит. Кому-то из американских дипломатов оторвало руку. Или голову? Мысль об оторванной голове не прибавила Августу Николаевичу осторожности. «Да что я, в самом деле, тут рассусоливаю, – рассердился он и, взяв конверт в руки, попробовал его согнуть. – Скоро на работу, а я еще не побрился!»

Конверт не без усилий поддался. «И ладненько, значит, там не железяки, не бомба, – решил Седиков. – Не взорвется». И только когда отрезал ножницами узенькую боковую полосу, к нему пришла запоздалая мысль: а может, пластит сгибается так упруго?

Пластита, слава богу, в конверте не оказалось. Только еще один конверт, а в нем пачка новеньких стодолларовых купюр. Ровно сто штук. Август Николаевич, забыв о том, что может опоздать на собрание акционеров энергетического пула, где он имел полтора процента акций, дважды пересчитал деньги.

«Десять тысяч баксов, а какая маленькая пачка», – подумал он и сел на стул. Сел непродуманно, не отдавая себе отчета в том, что колени у него стали мягкими. Он, не последний в Москве бизнесмен, никогда бы – даже под страхом жестокой кары – не признался себе, что при виде этих денег, не таких уж и больших, пережил мимолетную физическую слабость.

Август Николаевич еще раз внимательно оглядел конверты, но ничего нового не обнаружил. На первом – три слова: Августу Николаевичу Седикову. Второй конверт – без единого штришка. Ни обратного адреса, ни почтового штемпеля. И никакого сопроводительного письма. Наверняка произошла какая-то ошибка.

«Что ж, баксы весьма кстати, – подумал он. – Если бы предназначались мне. Что стоило отправителю написать на конверте еще и мой адрес? А так... Сколько в Москве Седиковых? – Он тут же успокоил себя: – Но Август, наверное, один».

Седиков начал перебирать в памяти возможные источники, из которых могли поступить деньги, но все ограничилось разорившимся в 1998 году «Инкомбанком». Там у Седикова хранились пять тысяч долларов. Но в девяносто девятом Август Николаевич с трудом выцарапал оттуда смешную сумму в рублях, менее одной трети вклада. Ни родственникам, ни знакомым он денег не одалживал, за ссудами в банки не обращался. Лихорадочно пытаясь найти правдоподобное объяснение появлению конверта с баксами, Седиков одновременно прикидывал, на какие цели мог бы употребить нежданный-негаданный «презент». Например, пригласить на дачу приличного садовода-дизайнера. Съездить наконец с женой на Лазурный Берег, а не на опостылевший Кипр.

«Тьфу! – попытался он остановить разыгравшееся воображение. – Тьфу-тьфу-тьфу! Разинул рот, на чужой каравай. В любую минуту зазвонит телефон и какой-нибудь клерк из „почтовой рассылки“ заявит, что произошла ошибка – перепутали имя, вложили деньги не в тот конверт... Мало ли причин для путаницы?»

Разглядывая конверт, Август Николаевич обратил внимание еще на одну деталь: никаких четких указаний на то, что его переслали через экспресс-доставку, не было. Совсем недавно

Седиков получил солидный конверт от Общества с ограниченной ответственностью, которое именовало себя «Служба почтовой рассылки» и предлагало «любые почтовые услуги». Может быть, ее имел в виду посыльный?

Фирма новая, подумал Август Николаевич, пока они там всё наладят, любые сбои возможны. И даже присылка чужих баксов? Он усмехнулся и покачал головой. Вряд ли, вряд ли.

Седиков решил взять деньги с собой в офис. Зачем тревожить жену и дочь? Еще начнут строить планы, куда пристроить «залётные» баксы. Пускай они полежат в сейфе, пока все не разъяснится.

Приняв такое решение, он положил пакет в карман пиджака и отправился в ванную комнату заканчивать бритье.

Процесс бритья всегда помогал Августу Николаевичу расслабиться и приобрести прекрасное расположение духа, даже – хотя он и не признавался себе в этом – самоутвердиться. Он испытывал удовольствие, когда, размягчив суточную щетину горячим компрессом, наносил на нее толстый слой душистого геля, ощущал первое прикосновение жилетовской «козьей ножки» к лицу – сначала к верхней губе, всегда справа. Это была его маленькая дань суевериям. Примета удачи. Закончив бритье, Седиков обязательно проводил ладонью по одной щеке, потом по другой, шутливо сдвигал брови, подмигивал своему отражению.

Закончив с туалетом, Седиков позвонил в офис. Предупредил секретаршу, что задержится минут на двадцать, а потом с удовольствием позавтракал. Две чашки крепкого ароматного кофе, яйцо в «мешочек» и бутерброд с сыром. О полученных деньгах Седиков теперь думал спокойно, даже чуть отстраненно. Дескать, забавная история приключилась. Но когда надел пиджак и ощутил во внутреннем кармане, напротив сердца, плотный, упругий пакет, снова забеспокоился. Ему вдруг пришла в голову мысль: а если это провокация? Какой-то недоброжелатель прислал баксы ему, а в прокуратуру – письмо о том, что Седиков взяточник. Деньги помечены несмываемой, невидимой краской – Август Николаевич не раз видел по телику, как в инфракрасных лучах начинают светиться загребущие руки хапуг. А его руки? Он же несколько раз пересчитал эту чертову «капусту».

Седиков несколько минут столбом стоял в прихожей, не зная, на что решиться. Нет, на службу тащить с баксами нельзя. Спрятать дома? Засунуть куда-нибудь на антресоли в коробку с елочными игрушками или в связку старых обоев? Смешно. Найдут и там. И скажут – прячешь, значит, есть причины.

Седиков вернулся в гостиную, выложил пакет на стол. Потом достал справочник «Вся Москва», нашел фирму «Служба почтовой рассылки» и стал названивать по указанным телефонам. По одному номеру ответил вежливый мужской голос и объяснил, что фирма экспресс-доставкой пока не занимается, курьеров по городу не посылает. И больше ориентируется на организации и рекламные агентства, а не на частных лиц.

«Остается только звонить в милицию, – подумал Седиков, положив трубку. – Или пойти в прокуратуру и показать пакет». Ни то ни другое Августу Николаевичу делать не хотелось. Свяжись с ментовкой, этих баксов уже не видать как своих ушей. А ведь чем черт не шутит... Показывать деньги прокурору тоже опасно – на конверте указаны его фамилия, имя и отчество, и что ни рассказывай, у чиновника останутся сомнения. Подумает, если это и не взятка за какие-то услуги, то прелюдия к ней. Седиков так и оставил пакет на столе. Жена с дочкой на даче, в город в ближайшее время не собирались, нагрянут с обыском из прокуратуры – проще объясняться: утром пакет принесли, вскрыл, увидел деньги. Решил, что произошла ошибка. Разбираться было некогда. Торопился на работу. Ну а если нагрянут воры, и того лучше. Заберут баксы – снимут камень с души. Если нет – со временем все образуется.

Не образовалось.

Через две недели, когда Седиков с большой пользой для себя вложил неожиданно-негаданно свалившееся на него богатство в дело, ему принесли новый пакет. С пятьюдесятью тысячами долларов.

«Денежка к денежке, – радостно подумал Август, пересчитав купюры – пятьсот новеньких, один к одному, гринов. – Вот только...» Это «только» испортило ему настроение. Всю ночь Седиков промучился в поисках верного решения.

Частный сыщик

У частного сыщика Владимира Фризе никогда не было привычки складывать рублик к рублику. Он не мечтал стать миллионером, ради сомнительного удовольствия почувствовать себя хозяином жизни. А так как в последние годы деньги заводились довольно часто, Фризе не отказывал себе ни в чем, он тратил и не старался «наварить» проценты. Имел классный автомобиль – белый БМВ, регулярно пополнял гардероб, отдавал должное хорошим напиткам и еде. В рестораны заглядывал редко, несмотря на то, что любил иногда окунуться в праздничную кабацкую атмосферу. Но всегда находилась какая-нибудь мелочь – долгое ожидание заказа, жуликоватость официанта, котлета маршаль, приготовленная из обыкновенной курицы, а не из дичи, как положено, – портившая Фризе настроение. Пропадал кайф, на который он рассчитывал, отправляясь в ресторан со своей очередной приятельницей.

Несколько удачных расследований, которые Владимир предпринял по поручению крупных финансистов, принесли ему не только деньги, но и славу успешного сыщика, которому можно довериться. Правда, эта слава не выходила за пределы узкого круга лиц: с одной стороны – влиятельных клиентов, с другой – их обидчиков, которые несли урон от деятельности Фризе. Эти господа, а если их уже не было в живых, их сообщники, только и ждали удобного случая, чтобы расквитаться с Длинным. Длинным звали Фризе и близкие друзья, и враги. Хотя на фоне современных акселератов при росте сто восемьдесят девять сантиметров Владимир уже не выглядел великаном.

Из-за нескольких киллерских наездов сыщику даже пришлось продать свою уютную, доставшуюся от родителей дачу на Николиной Горе. Фризе посчитал, что уж лучше родительский дом окажется в чужих руках, чем дожидаться, когда «враги сожгут родную хату» и на месте пепелища какой-нибудь «новорусский» построит аляповатый замок.

Желающих воспользоваться услугами частного сыщика у нас не слишком много. Даже тот, кто не верит в силы милиции, по привычке идет в ближайшее отделение заявить об ограблении квартиры или нападении хулиганов, к частному детективу обращаются за услугами деликатного свойства. Или в том случае, когда стражи порядка категорически отказываются помогать заявителю – например, искать пропавшего «перса». Владимир Фризе никогда не выслеживал чужих жен и не охотился на пропавших котов. Правда, за одним исключением, но в этом случае в бега пустилась кошка Мурка, любимица одной из подруг Владимира Петровича. Это дело Фризе завалил, Мурка исчезла бесследно. Но легкую досаду, которую испытывал сыщик, перевесило чувство удовлетворения оттого, что теперь в нежном сердце приятельницы воцарился лишь он один. Впрочем, прошло время, и Владимир стал вспоминать неудачные поиски Мурки с еще большим сожалением.

Клиентами частного детектива Фризе становились люди, по тем или иным причинам не желающие милицейского догляда и огласки. Обращались они обычно по рекомендации тех, кто уже воспользовался услугами Владимира. И почти никогда – обнаружив лаконичное объявление в газете: «В. П. Фризе, детектив. 246—14—91».

Тем более удивительным показался сыщику утренний звонок.

– Это детектив Фризе?

– Это детектив Фризе, – согласился сонным голосом Владимир.

Он был совой и день, когда его будили раньше десяти, считал пропавшим.

– Я по объявлению. – Голос у позвонившего звучал мягко и осторожно. Как будто он сделал один шаг по болоту и теперь высматривает, куда бы поставить ногу при следующем шаге.

Фризе промолчал. Звонок по объявлению не предвещал ничего интересного.

– Мне нужна помощь сыщика. Свободного от государственной службы профессионала.

– Вам кто-то меня рекомендовал? – спросил Владимир, стараясь, чтобы голос звучал серьезно. «Свободный профессионал» вызвал у него улыбку. Ну прямо как свободный радикал!

– Нет. В газете «Экстра» ваше объявление?

– Мое. Так в чем проблема?

– Скажу при личной встрече. Я предлагаю...

– Матримониальные дела?

Абонент несколько секунд молчал, и Фризе уже собрался перевести вопрос на общедоступный язык. Но, оказывается, потенциальному клиенту это словечко было знакомо. Наверное, он просто решал, не обругать ли сыщика за нахальство. Решил не склочничать.

– Нет. Ни за женой, ни за дочерью следить не надо. Предлагаю встретиться у «Кофейного клуба». На Маросейке. Знаете?

– Знаю.

– В двенадцать. Успеете?

– Успею. У вас в правой руке будет газета «Экстра»?

– Я буду в светлом костюме. Зовут меня Август Николаевич. – Посчитав, что все вопросы уточнены, абонент отключился.

Оригинал, подумал Фризе. В июле каждый второй мужик в светлом костюме. А что за имечко ему придумали родители! Веспасиан Август – вспомнился сыщику римский император. Но может быть, позвонивший назвался Августом для маскировки?

Поблизости от входа в кафе Фризе не заметил ни одного мужчины в светлом костюме. Там вообще не было ни души. А на дверях висела табличка «Санитарный час».

Владимир несколько раз прошелся по тротуару, не упуская из вида вход в кафе, минут пять постоял, подставив лицо полуденному солнцу. Потом оглядел противоположную сторону улицы – проверил, не устроил ли там наблюдательный пункт осторожный Август Николаевич. Ни одного мужчины в светлом костюме там не было.

«Ну и ладно, – подумал сыщик. – Мне повезло, что меня надули в хорошую погоду. Лил бы дождь...»

– Вы Фризе? – раздался у него за спиной мягкий баритон.

Владимир обернулся. Перед ним стоял высокий мужчина лет сорока. Шатен. Загорелый, гладкий. Фризе подумал, что человек этот, наверное, хорошо заботится о своем здоровье.

Мужчина слегка запыхался и одет был вовсе не в светлый костюм, а в курточку из тончайшей замши сливочного цвета. Брюки на нем были рыжие, как шевелюра у коверного.

– А в чем, собственно, дело?

– Я Август Николаевич. Простите за опоздание. Повсюду заторы...

– Что это на вас надето?

– Курточка... – растерянно ответил мужчина и, взявшись за полы, развел их в стороны. Вышло смешно.

Только сейчас Владимир повнимательнее рассмотрел его лицо: очень приличный нос с маленькой ястребиной горбинкой, высокий лоб, массивный уверенный подбородок. Вполне мужественное открытое лицо. Вот только большие голубые глаза подкачали. Они были очень тревожными. Не любил Фризе тревожных глаз. От людей с такими глазами можно ожидать чего угодно.

– Симпатичная курточка. А что вы мне сказали по телефону?

– Назначил встречу на полдень. У «Кофейного клуба». Ой... Я забыл надеть светлый костюм! Простите великодушно.

– Хорошо, что у входа в клуб шаром покати. И ни одного светлого костюма, – проворчал сыщик и протянул рассеянному кандидату в клиенты руку: – Владимир Петрович..

– Август Николаевич. Можно просто Август.

– И где же мы поговорим? – спросил Фризе. – В «Кофейном клубе» санитарный час. Наверное, травят тараканов.

– Ну что вы, Владимир Петрович! Какие тараканы! Это очень уважаемое заведение. Идемте. Я замолвлю словечко.

Но даже «сезам» ему не пришлось произносить. Едва они подошли к кафе, двери распахнулись, и на пороге возник улыбающийся швейцар – молодой громоздкий парень в малиновом цилиндре и униформе, вдоль и поперек расшитой галунами.

– Прошу, Август Николаевич! Сегодня миндальные пирожные – объедение.

– А рыбную солянку не приготовили? – поинтересовался Фризе.

Швейцар хихикнул, успев в то же время окинуть его внимательным взглядом.

Бармен, устроившись у стойки на высоком табурете, ел из глубокой тарелки какой-то приправленный томатом супчик. Заметив посетителей, он мгновенно соскользнул с сиденья и подошел к Седикову:

– Здравствуйте, Август Николаевич!

– Привет, Аркадий! – Седиков пожал бармену руку. – Вот, заглянули с приятелем кофейком побаловаться.

Бармен, высокий, с приплюснутым малайским носом, молодой мужчина, приветливо улыбнулся Фризе.

– Сейчас приготовлю ваш любимый, Август Николаевич!

– Не торопись, доешь суп, а то остынет. Мы никуда не спешим, – сказал Седиков. – Так ведь, Владимир Петрович?

– Если и спешим, то очень медленно.

Аркадий уже направился к недоеденному супу, когда Седиков окликнул его:

– А как?.. – он показал глазами на бар.

– В ажуре, Август Николаевич. Набираем.

– А вы тут свой человек, – сказал Фризе, когда они сели за столик в уютном уголке, рядом с огромным окном на улицу.

– Конечно, свой. Я владелец «Кофейного клуба».

– Поздравляю. Классное заведение. Кстати, а что за сорт кофе готовят здесь для хозяина?

– Мокко. Мокко с острова Ямайка. Вы не против?

– Не против. – Фризе усмехнулся и подумал: «Похоже, с Августом мы поладим». Он тоже любил мокко – ароматный, мягкий, с легким привкусом начинающего бродить вина. Не всем нравится именно этот привкус. Но мокко с острова Ямайка Владимир никогда не пробовал.

Ответив на вопрос, Август Николаевич замолчал. Рассеянно постукивал пальцами по темной дубовой столешнице и смотрел не на Фризе, а в окно. Улица была залита солнцем и забита пешеходами и автомобилями. Пешеходы двигались, а машины стояли.

«Ждет, когда бармен принесет кофе, – подумал сыщик. – Не хочет, чтобы тот услышал, о чем мы пришли побалакать? Незачем было тогда затеваться с кофе. Прогулялись бы по улице и все обсудили».

Но приглядевшись к клиенту, он понял, что Август Николаевич просто никак не может решиться и выложить незнакомому человеку свои проблемы. Когда разговаривал по телефону – не сомневался, а пришло время исповедоваться глаза в глаза, сник. «Не понравился я владельцу кофейного заведения, что ли?»

– Выпьем по чашечке и разбежимся?

– Почему же? – чересчур энергично выпалил Август Николаевич. Фризе показалось, что он даже вздрогнул от неожиданности. Владимир понял, что не ошибся в своих предположениях.

В это время бармен поставил на стол красивый мельхиоровый поднос с двумя крошечными кофейниками, кувшинчиком со сливками и тарелкой с миндальными пирожными. Руки у Аркадия были затянуты в тонкие белые перчатки. «Надо же! – восхитился Фризе. – Как в славной доброй Англии тетки Агаты».

– Еще что-нибудь?

– Спасибо, дружище. Пока ничего.

Бармен удалился. Август Николаевич налил себе кофе, достал из кармана крохотный цилиндр и отправил в чашку пару таблеток заменителя сахара. Протянул цилиндр Фризе, но тот демонстративно положил в чашку кусок сахара, налил сливок и взялся за пирожное. Оно и вправду оказалось очень вкусным.

Чашка кофе придала Августу Николаевичу смелости, и он наконец решился:

– Второй раз в этом месяце мне приносят домой деньги. Сначала был конверт с десятью тысячами долларов. Во втором оказалось уже пятьдесят. Тысяч, естественно.

Фризе молчал.

– Отправитель неизвестен. Курьер – тоже. Когда это произошло впервые, позвонил из подъезда парень. Голос почти детский. Сказал: вам срочный пакет. Экспресс-доставка. Спуститесь вниз.

– И вы спустились?

– Спустился. Курьера уже не было, а конверт с баксами лежал в моем почтовом ящике. Я решил подождать несколько дней. Думал, объявится отправитель. Никто не позвонил, не пришел. Провокация? – В голосе Седикова сквозила тревога. – А что оставалось думать?

– Старый должник вспомнил о своих обязательствах.

– Я не даю в долг. И не одалживаюсь. Берешь чужие, отдаешь свои. Можно растерять не только знакомых, но и друзей.

– Как же вы поступили? – Фризе стало чисто по-человечески интересно, что предпринял этот respectable, старательно прячущий беспокойство бизнесмен.

– Я решил набраться терпения и ждать. Хозяин таких денег рано или поздно объявится. Позвонит или нагрянет в гости. Или обратится в эту «Экспресс...» как ее там!

– В «Экспресс-доставку»? – уточнил Владимир. – Появилась недавно такая форма услуги.

– Ну да, ну да. Знаю! Конверт я не прятал, держал на письменном столе. Но вскоре принесли еще пакет. Потолще.

– И тем же способом?

– Да. Опять позвонили снизу. Теперь уже девушка. Голос был молодой.

– А пакет, как и в первый раз, положили в почтовый ящик?

– Да.

– Окна вашей квартиры...

– Выходят на улицу. Я тут же проверил: из подъезда никто не вышел. Ни мужчина, ни женщина, – уточнил он. – Никто не выходил за те пять минут, что я торчал у окна.

– Машины у подъезда не было?

– Да полно! Там все забито тачками. И днем, и ночью. Я выждал, а потом помчался вниз. Охотников пошарить в чужих почтовых ящиках – пруд пруди.

– Вы были уверены, что принесли баксы?

Седиков насупился. Молча налил из кофейника очередную порцию кофе. Теперь уже не сыпал в него таблетки, не налил сливок. Сделал несколько маленьких глотков, поставил чашку и только тогда ответил:

– У меня было предчувствие. Девушка сказала: «К вам курьер „Экспресс-доставки“. Спуститесь за пакетом». Как в первый раз.

– Пакет должен был быть толстым. Вы сохранили конверт?

– Возьметесь?

– Я дорого стою.

– Увидев ваш прикид, я сказал себе: услуги этого сыщика влетят мне в копеечку. Штаны и рубашка от Армани... – Август Николаевич взмахнул ладонью. Получилось это у него как-то беспшабашно. – Расплачусь с вами «залетными» баксами. Десяти тысяч хватит?

– Фальшивых или меченых?

– Они настоящие. Я взял сотенную и между делом сгонял в Тверскую область. Обменял. Всё тип-топ.

– Рискованно.

– Чего теперь жалеть? Дело сделано. Беретесь?

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Отвечу, если стану вашим клиентом. Вы, наверное, заключаете с клиентом договор?

– Да.

– Я бы не хотел указывать полную сумму гонорара.

– Как скажете. – Заявление Седикова избавляло Фризе от необходимости делать такое же предложение. Еще несколько лет назад Владимир решил, что начнет выполнять свои обязанности перед государством – платить налоги полностью – только после того, как государство выполнит перед ним свои. Вернет похищенный в девяносто втором году вклад в сберкассе. А вклад был немалым.

Некоторое время они молчали. Август Николаевич внимательно, хозяйским взглядом изучал меню, а Фризе не удержался и взял из вазочки еще одно пирожное.

– Ну так вот... – Седиков отложил в сторону меню. – Отвечаю на вопрос – конверты я сохранил. Близнецы. Сами убедитесь. Последние баксы я даже не пересчитывал. – Поняв, что сморозил глупость, Август Николаевич нахмурился. – Ну... я хотел сказать, что они находятся в том же конверте. Так что сами оцените, большой пакет или маленький. Кстати, в первый момент конверт сильно пахивал...

«Ну еще бы! – внутренне усмехнулся сыщик. – Дельце-то тоже с душком».

– ...пахивал очень приличными духами, – продолжил фразу Седиков. – Вовсе не знакомый мне парфюм.

– А вы дока в парфюмерных делах?

– Разбираюсь маленько, – недовольным голосом ответил Август Николаевич. – Моя дочка какими только духами меня не истязала! Все ищет свой неповторимый аромат.

– Успешно?

Седиков даже не посчитал нужным ответить.

– Согласен, – улыбнулся Фризе. – Парфюмерная тема нас никуда не выведет. А дочерью вы, наверное, гордитесь? У вас все как в лучших домах. Даже бармен подает кофе в белых перчатках.

Но владелец «Кофейного клуба» не был настроен на ироническую волну:

– Я еще не закончил с парфюмерной темой. Второй пакет, как я уже докладывал вам, принесла женщина. Звонила женщина, – уточнил он. – Я и подумал: когда деньги принесли впервые, мальчишка был только передатчиком. Ну, вы сами понимаете.

Фризе хотел возразить, но Седиков продолжил:

– Но аромат в обоих случаях был одинаковым. Духи какие-то... Как бы выразиться поточнее... Мужественные, что ли...

– Мужские?

– Даже не знаю. Наверное, психолог мог бы определить тип женщины, которая предпочитает такой парфюм.

– Или мужчины. Все смешалось, как в том, известном нам доме. – Владимиру надоело мусолить парфюмерную тему, и он надеялся, что теперь-то собеседник ее закроет. Но не тут-то было.

– Впрочем, такие тонкости по плечу лишь крупным специалистам.

Фризе так и подмывало спросить: «Вроде вашей дочери»? – но он удержался. Вместо этого спросил:

– Дадите понюхать?

Когда на следующий день Седиков передал сыщику конверты, они еще сохраняли очень слабый незнакомый аромат. Владимир подивился стойкости духов. И странной их особенностью: парфюм был одновременно и нежный, обволакивающий, и резкий, вызывающий. «Как они этого добились?» – подумал Фризе. Но углубляться в парфюмерную проблему не стал.

– А что касается белых перчаток Аркадия, это что-то новое. – Оказывается, Седиков не забыл реплику Фризе. – Наверное, вы произвели на него глубокое впечатление, и он решил не ударить в грязь лицом. Сейчас спрощу.

– Ради бога, не надо. Зачем смущать человека? Вдруг у него прыщик на пальце вскочил? – тихо, почти шепотом сказал сыщик. Но для себя сделал заметку: «Может быть, Аркадий за свои пальчики беспокоится? Он, видно, тертый калач и сразу признал во мне сыскаря».

Владимир украдкой бросил взгляд на стойку бара. Тарелка, из которой Аркадий ел свой аппетитный супчик, когда они с Седиковым вошли в «Кофейный клуб», была уже убрана.

Верный привычке никогда не оставлять без внимания даже самый слабый тревожный звоночек, сыщик воспользовался моментом, когда Август отправился туда, куда и царь пешком ходит, и стянул с соседнего стола пепельницу с надписью «Мокко». Подумал – не вечно же бармен ходит в перчатках! А когда дома он педантично обследовал ее, то не обнаружил ни одного отпечатка пальцев. Кроме своих, разумеется.

– Как вы думаете, Владимир Петрович, есть шансы распутать эту странную историю? Тревожит она меня. Очень тревожит.

Фризе бросил на Августа Николаевича укоризненный взгляд.

– Ну да, ну да. Вы же не маг, не кудесник! Скажите, в вашей практике не случались подобные казусы?

– Нет. До сих пор приходилось разыскивать только похищенные денежки. Может, начнем действовать?

– Начнем.

«Не проще ли было бы обсуждать все эти проблемы дома? – подумал сыщик. – И не шептаться на глазах у персонала своего кафе?» Но тут же он нашел оправдание для Седикова. Чего ради приглашать к себе домой незнакомое лицо, если ты не уверен, возьмется ли тот за дело? Наше время не располагает к доверительности. А еще у Фризе мелькнула мысль: соврав про то, что не пересчитывал доллары, Август Николаевич даже не покраснел.

Похоже, что Седиков и дальше собирался продолжать переговоры тут же, за столиком уютного кафе. Его собственного «Кофейного клуба». Он удобно устроился в кресле и, лениво отщипывая кусочки миндального пирожного, отправлял их в рот. Тревога, в первые минуты свидания засевшая в голубых глазах, улетучилась. Лицо приобрело благодушное выражение. Как будто переложив на плечи сыщика свои проблемы, Август Николаевич и вовсе перестал из-за них переживать.

Владимир не разделял оптимизма своего клиента. Работа приучила его к осторожности.

– Ну что ж, по коням? Продолжим разговор на свежем воздухе, а потом у вас дома.

– Почему? Здесь уютно, не жарко. Все свои.

– Это меня и беспокоит. Некоторые мои вопросы могут вам не понравиться. Зачем «своим» видеть, как шеф сердится? Если вы не против, заедем на Воробьевы горы – там роза

ветров прекрасная, умиротворяющий пейзаж. Потом к вам домой, проведем рекогносцировку «на местности».

– Это необходимо?

– Место преступления нельзя оставлять без осмотра.

– Вы что! Моя квартира – место преступления?

– Шучу, – решил успокоить Августа Николаевича Фризе. – Но побывать у вас в гостях мне нужно. Для дела. Кстати, за кофе и пирожные расплачивается фирма?

Сыщик поднялся с кресла. Август Николаевич с неохотой последовал его примеру, оставив последний вопрос без ответа.

Бармен Аркадий, не упускавший хозяина и его гостя из поля зрения, тут же вышел из-за стойки:

– Вам понравились наши пирожные, Владимир Петрович?

– Прекрасные. Давно таких вкусных не ел.

Лицо бармена расплылось в довольной улыбке, а Фризе подумал: «Шустрый молодой человек. Запомнил, как меня зовут, с первого раза».

– Я вернусь после пяти, – проинформировал бармена Седиков. – Кстати, запасы не пора пополнять?

– Текила кончилась. – Аркадий сморщил лицо, словно ему на язык попало нечто непереносимое. – Не пойму, с чего это на нее так запали? Особенно молодые дамы. Начитались детективов? – Он как-то по-особенному, проникновенно взглянул на Владимира, и сыщик опять подумал: «Ох, не прост этот брат Аркадий! Знает меня, что ли?»

– Текилу закажу, – пообещал Седиков. – Попроще? Или самую дорогую?

– Самую, самую. «Золотую».

– Что-то еще?

– С остальным – ажур.

Простые вопросы – простые ответы

Они приехали на Воробьевы горы каждый на своей машине. Фризе на щегольском белом БМВ, Август Николаевич – на давно не мытой синей «шестерке». Глядя на замызганное авто владельца «Кофейного клуба», Владимир даже почувствовал легкое смущение: бизнесмен-то скромняга, а вы, господин сыщик...

Наверное, похожая мысль посетила и Седикова. Скользнув взглядом по белой «красотке», он буркнул:

– И охота вам высвечиваться?

У Фризе чуть не сорвались с языка слова о том, что ему-де скрывать нечего, живет на свои трудовые, но он вовремя одумался и промолчал.

– Итак, мы с вами уже выяснили: в долг никому не даете. Не одалживаетесь.

Седиков согласно кивнул.

– А ваши супруга и дочь? Может быть, кто-то из них ссужал родственников или знакомых?

– Исключено. Своих денег у них нет. Больших денег, – поправился он. – Давать займы не с чего. Дочь – студентка. – Август Николаевич машинально взглянул на уходящую ввысь пирамиду университета. – Учится на философском факультете. А жена не работает. Сейчас она живет на даче.

Фризе понял, что в доме Седиковых Август Николаевич и банкир, и Счетная палата, и бюджетный комитет. И еще его заинтересовала фраза: «сейчас она живет на даче». Казалось бы, летом все, у кого есть возможность, живут на даче. И нет ничего странного в том, что супруга Седикова так и поступала. Странной показалась сыщику интонация, с которой тот произнес эту фразу. Дескать, не просто живет, а живет постоянно. Но это уже были домыслы. И Владимир отмахнулся от них. К поиску корреспондента, отправлявшего пачки долларов, они не имели никакого отношения.

– Жена и дочь знают о баксах?

– Я же говорил! Нет, нет и нет! Об этом знаю только я. Теперь и вы.

– Хорошо-хорошо. Я хотел только уточнить.

Они миновали смотровую площадку, поравнялись с уютной белой церквушкой Живоначальной Троицы. Август Николаевич на секунду замедлил шаг и привычно перекрестился. Фризе так никогда и не смог преодолеть в себе робость к публичному проявлению чувств. Он крестился мысленно. Но искренне.

За церковью они свернули направо, спустились на несколько ступенек и медленно пошли по тенистой аллее. Недели сухой жаркой погоды привели к тому, что липы, едва успев зацвести, уже роняли листву. Побуревшие листья противно шуршали под ногами, и в голову невольно лезли мысли об осени. А ведь июль едва перевалил за половину.

Почти все скамейки вдоль аллеи были заняты: мамы с детишками, молодые люди в обнимку, казалось, застывшие навечно в откровенных позах. Старики в поношенных одеждах глядели на раскованных молодых людей с презрительной отрешенностью. Как будто не имели к этим юнцам никакого отношения, не были в недалеком прошлом их дедами и бабками.

Фризе всегда удивлялся тому, что и благообразные, но плохо одетые старики, и молодые мамы, выгуливавшие детишек, и пытающиеся поймать свой кайф молодые люди были совершенно безучастны к тому, что их окружает. А ведь они просто-напросто утопали в ворохе смятых пакетов от сникерсов, чипсов, попкорна, бутылок из-под пепси чудовищного свекольного цвета, использованных презервативов и грязных шприцев.

«Раньше и я не обращал внимания на этот „хлам цивилизации“, – подумал сыщик. – Не брал в голову. Теперь раздражаюсь. Старею? Становлюсь брюзгой? Но за метелку почему-то не берусь даже в дни общемосковских воскресников!»

Ближе к Мичуринскому проспекту, там, где начинались знаменитые особняки, прозванные в народе «деревней Заветы Ильича», Седиков свернул к обрыву:

– Постоим минутку. Отсюда даже центр Москвы кажется красивым.

Фризе так не казалось, но он не стал возражать.

Над городом витал плотный смог. Словно кто-то навечно нахлобучил на столицу унылую серую шапку. Или она случайно зацепилась за нелепо торчащие среди жилых массивов высокие трубы ТЭЦ. Беспреданно дымящие и раздражающие. «И я там живу, – отрешенно подумал Фризе. – Дышу этим смогом и чаще всего его не замечаю, а придет время – вся эта бяка мне аукнется».

Он вспомнил свою любовницу Берту, успешную баскетболистку, проживавшую теперь в Швейцарии. Время от времени Владимир получал от нее письма с приглашением приехать и остаться там навсегда. Вот уж где, наверное, нет никакого смога и труб, царапающих небо. Берта теперь обитала в Монтрё, неподалеку от знаменитого Шильонского замка.

– А у вас, Август Николаевич, кроме жены и дочери имеются близкие родственники? – спросил Фризе, решив нарушить молчание и прервать непрошенные мысли о Берте.

– Родителей уже нет в живых. В Твери – двоюродные брат и сестра. Они живут очень скромно. Вряд ли держали в руках больше ста долларов.

– Вы потому и сгоняли именно в Тверь проверить деньги «на вшивость»? Заодно и к родственникам заглянули?

– В обменный пункт я ходил сам, – сердито ответил Седиков. Как будто хотел ответить на невысказанный упрек сыщика. – А родственникам купил на полученные рубли гостинцев.

– И кроме двоюродных брата и сестры никого на белом свете?

Седиков шумно, как паровоз, выпустил воздух из ноздрей. Дернул головой:

– Теперь я начинаю понимать, почему вы увезли меня из уютного клуба.

Фризе промолчал.

– Нет у меня никого больше, – не очень уверенно сказал ресторатор. – Почти никого. Когда мне было шесть лет, отец ушел от нас с мамой. Завел новую семью. У него родился сын. Мой единокровный брат.

– Он носит ту же фамилию?

– Да. Авенир Седиков. У отца было пристрастие – давать сыновьям редкие имена.

Фризе насторожился.

Словно разгадав ход его мыслей, Седиков махнул рукой:

– Не напрягайтесь. Отец с новой семьей эмигрировал во Францию. Там и умер. А брат, наверное, стал закоренелым французом.

– Вы не пытались его разыскать?

– Зачем?

Фризе понял, что «голос крови» в его собеседнике спит крепким сном. «Я бы разыскал братца, – подумал сыщик. – Даже из простого любопытства».

– Отец не разбогател в эмиграции?

– Думаю, что нет. Во всяком случае, наследства я не получал.

– Может быть, получил брат? И решил с вами поделиться?

– Таким оригинальным способом?

Сыщик подумал, что Седиков говорит правду.

– Тему «родные и друзья» закрываем. А враги?

– У меня нет врагов, – отрезал ресторатор. И тут же поправился: – Явных врагов нет. А про тайных мне неизвестно.

– И уж тем более в долг вы им не давали.

– Потому и врагов нет, что в долг никому не давал.

Владимир продолжал задавать вопросы почти машинально. Понимал, что никаких открытий из ответов клиента не выудит. Август Николаевич, похоже, был человеком неглупым: наверняка уже перебрал в уме возможные – и невозможные – версии того, откуда свалились на него «приблудные» деньги. И если бы на чем-то остановился, сказал. Или не сказал?

– Август Николаевич, а у вас есть какие-то предположения? Я готов выслушать и самые фантастические.

– Конечно, есть! – Его меланхолию словно ветром сдуло. Седиков резко остановился напротив сыщика и, подняв руку, оттопырил два пальца:

– Только два варианта. Первый – ошибка. Перепутали адрес, а деньги предназначались однофамильцу. Второй – подстава. Прислали деньги один раз, другой. Выждали. А теперь наступат куда следует. Обыск. Купюры меченые.

– Вы же проверяли, – прервал его гневную тираду сыщик. – В Твери.

– Ну да. Проверял, – не смутился ресторатор. – Значит, переписали номера! Меня кто-то решил убрать из бизнеса.

– Кто? Есть на примете конкретные люди?

– В том-то и дело... – Седиков тяжело вздохнул. И снова обратился к панораме города. Как будто хотел разыскать среди каменных лабиринтов Маросейку и на ней свой «Кофейный клуб», который недоброжелатели планировали у него отобрать. А заодно поинтересоваться у бармена Аркадия, заказал ли тот столь любимую молодыми посетительницами «Золотую текилу».

– В том-то и дело, что конкретных претендентов на мой бизнес я не вижу. – Август Николаевич оторвался от городского пейзажа и посмотрел на Владимира. Сыщик опять отметил, какие тревожные у него глаза. – Никто не делал поползновений! И это меня особенно беспокоит.

– Да вы же только что заявили – «меня кто-то решил убрать из бизнеса».

– Ну да. Заявил. «Кто-то!» Но я не знаю кто.

– Понятно, – пробормотал Фризе, хотя ничего ему было не понятно. – А совладельцы?

– Нет никаких совладельцев! И никаких акционеров. Я – единственный хозяин! Даже бандиты от меня отступились.

– Почему?

Седиков опять шумно, как паровоз, втянул носом воздух и ничего не ответил.

– Август Николаевич!

– Будем считать, что этот вопрос вы мне не задавали.

Фризе взглянул на клиента с укоризной.

– У меня могут быть какие-то секреты? Я же не на исповеди. И вижу вас впервые. Наверное, служили раньше в уголовном розыске?

По тому, каким клиент стал многословным, Фризе понял: сейчас он расколется или пошлет его подальше.

– Главный секрет сейчас – кто вас «субсидирует» таким странным способом.

– Моя «крыша» – менты, – сдался Седиков. – Серьезное управление.

– Понятно. Ни менты, ни бандиты благотворительностью не занимаются. И ошибок с адресами не допускают. Поехали дальше. А значит, вернемся к вашему первому варианту.

Седиков вздохнул и, потеряв кураж, снова стал похож на меланхолика.

– Вернемся. И вернемся к машинам. Вы же хотели заехать ко мне домой. Там и продолжите свой допрос с пристрастием.

– Вы можете отказаться, пока не выложили мне слишком много конфиденциальной информации. Я человек дотошный.

– Уже понял, – ворчливо отозвался Август Николаевич.

– Вы не пробовали выяснить, сколько в Москве у вас однофамильцев? – спросил Владимир, когда они шли к машинам.

– Нет. Не пробовал.

Несколько минут они вышагивали молча. После того как миновали церковь и Седиков опять привычно перекрестился, он сказал:

– Нет на это времени. Бизнес. У меня же не только «Клуб». Надеюсь, вы сами проверите все варианты. Раз уж взялись за дело. – Неожиданно для Фризе он улыбнулся: – И коли такой дотошный.

Ах, мой милый Августин...

Фризе хорошо помнил присловье: прежде, чем ударить в колокола, загляни в святцы. Он и заглянул. Но не в настоящие святцы – их у Владимира не было, – а в небольшую книжицу «Словарь русских личных имен». Имена на «А» располагались на двадцати девяти страницах. От Аарона до Аэтия. Причем у Аэтия имелось уменьшительное имечко – Этя, а у Аарона уменьшительного не было. «Ну и правильно, – подумал сыщик. – Библейские пророки не допускали никакого амикошонства».

Он составил список из семи персонажей. Открывал список Август Николаевич Седиков. Потом шли Авгурий, Августин, Авдей, Авель, Авенир и Авентин Николаевичи.

Поиски человека, с легкостью отсылающего сумму в пятьдесят тысяч долларов с нарочным, без расписки и уведомления, Владимир считал трудоемким, рутинным расследованием. Но даже к такому делу он подходил с неизменным педантизмом. Старался учесть любую мелочь. В том числе и такую, как ошибка в имени адресата.

Для сотрудника прокуратуры или милиции получить справку о том, сколько у москвича однофамильцев и по каким адресам они проживают, не составляет большого труда. Стоит лишь поднять трубку телефона и набрать номер специальной справочной службы. Ну и, естественно, назвать заветное слово. Пароль. У профессионалов это называлось «пробить по базе данных». Увы, частным сыщикам этот путь заказан. Остается прибегнуть к помощи друзей. Что Владимир и сделал – позвонил своему другу подполковнику Рамодину. Они были знакомы уже лет шесть-семь и за это время уже дважды обмывали присвоение Евгению очередного звания. Ныне Рамодин служил на Житной¹, в Управлении уголовного розыска.

Прошло лишь полчаса после того, как Фризе обратился за помощью к приятелю, а тот уже перезвонил и предложил «подышать воздухом». Каждый раз, когда им надо было посекретничать, Фризе звал Евгения «прогуляться», а подполковник приглашал Владимира «подышать воздухом».

Спустя час они уже не спеша прогуливались в сквере возле «караван-сарая» – так называл Рамодин выставочный павильон Третьяковской галереи. Здесь было пустынно, чугунные вожди былых времен, свезенные со всей Москвы, имели возможность предаваться горьким мыслям о человеческой неблагодарности. *Sic transit gloria mundi*. Так проходит слава мира.

– Дружок, что за списочек ты мне подсунул? – Рамодин был явно взволнован. – Все твои Авдеи вызвали кое у кого аллергию.

– Ты что? Не сумел проверить простейшую операцию?

– Пока не сумел. – Евгений развел руками. – У тебя что, горит? Одна моя знакомая обещала завтра...

– Мне нужно сегодня! Сейчас. – Фризе хотелось побыстрее развязаться с этими поисками таинственного адресата. Дело-то, казалось, выеденного яйца не стоит. А тут непредвиденная задержка. И там, где ее не могло быть по определению!

– Ах, мы хотим сегодня, мы хотим сейчас! – пропел Рамодин слова из когда-то популярной телепередачи. – Завтра все узнаешь! И только после того, как расколешься. Я хочу знать, что за сеточку ты раскинул.

Идя на встречу с приятелем, Фризе собирался посвятить его во все подробности дела. Но сейчас это желание пропало. И не потому, что он не доверял подполковнику. Фризе верил Евгению безоговорочно. Но его слова о чьей-то аллергии настораживали. Почему Евгению не удалось получить простейшую справку – узнать адреса нескольких москвичей с чудными именами? Такое случилось в практике сыщика впервые. И наводило его на мысль о том, что полу-

---

¹ На улице Житной находится Министерство внутренних дел.

чение денег Августом Николаевичем Седиковым не тривиальная ошибка, а разработанная в недрах какой-то силовой структуры операция. С какой целью? Вывод напрашивался сам собой – с целью его опорочить и, может быть, засадить. Если так, то зачем же впутывать близкого человека в неприятности?

– Женья, про сеточку ты догадался правильно. Но больше ничего не скажу. Связан честным словом.

– Джентльмен.

– Не ерничай. Занимаюсь всего-то навсего семейными связями. – Фризе и впрямь надеялся справиться с делом быстро. – Полную информацию получишь завтра-послезавтра.

– Из газет?

– Старик, так тебе будет спокойнее.

– И тебе тоже? На случай, если меня начнут пытаться?

– В точку! А чтобы ты не дулся, угощу эликсиром бодрости. – Владимир достал из заднего кармана брюк серебряную фляжку и протянул подполковнику. – Это аванс. Только пару глотков, а то на службе развезет.

– Остряк. – Рамодин отвинтил крышечку и, не поднеся горлышко фляжки к губам, стал заливать в себя ароматную жидкость.

– Эй-эй! Мне оставь! – завопил Фризе так громко, что шедшая навстречу старушка остановилась и с интересом уставилась на друзей. Фризе успел заметить, что взгляд у нее добрый и смотрит она на них без осуждения.

Рамодин сжалился и вернул фляжку. Правда, коньяка в ней осталось не больше трети.

– Не так часто мне удается хлебнуть такой амброзии. Небось «Наполеон»?

– Совсем наоборот. «Багратион». Дагестанский коньяк. Умеют делать, когда захотят.

Фризе мелкими глоточками, с удовольствием опорожнил фляжку, спрятал ее в карман и спросил:

– Так у кого аллергия на моих Авраамов и Авдеев?

– Еще не выяснил. Но моя знакомая сказала по телефону, что вчера на выдачу справок о Седиковых наложили временный запрет.

– На всех Седиковых? – изумился Владимир. – От Аарона до Аэлиты?

– Вот именно. На Седиковых, чьи имена начинаются на «А».

– Такое разве возможно?

– Раз наложили, значит, возможно.

«Именно наложили», – усмехнулся Фризе и спросил:

– А кто, Женья, наложил?

– То-то и оно! Большой секрет. Не стала моя знакомая этот секрет по телефону выбалтывать. Умница.

– Надо же.

– Не бери в голову. Секреты в нашем государстве долго не держатся. Как только я встречу со своей знакомой...

– Она хоть симпатичная, твоя конфидентка?

– Любишь ты, Длинный, заковыристые словечки! Ты попроще, попроще! И не забудь к следующей встрече фляжку «Багратионом» наполнить. Хоп?

– Хоп!

– Ну, я поскакал на службу. – Рамодин подмигнул и быстрой, очень четкой походкой зашагал в сторону своего министерства. Благо до него было рукой подать.

Фризе смотрел ему вслед и думал о том, что и сам не раз вышагивал таким же образом – походкой человека, который во что бы то ни стало стремится выглядеть трезвым.

Внезапно подполковник обернулся. Словно почувствовал, что приятель не спускает с него глаз. Усмехнулся и сделал приглашающий жест ладонью.

Он дождался, когда Фризе подойдет к нему, и только тогда заговорщицки шепнул:

– Длинный, не будь жлобом. Купи себе диски с базой данных на всю нашу матушку-столицу. Там не только милые твоему сердцу чертовы Авраамы и Аароны, там и такой гусь, как Владимир Петрович Фризе, найдется. И масса полезных сведений на всех рабов Божиих. Не жмоться. Всего пятьсот баксов – и мне не надо рассказывать веселые байки подозрительным барышням из Спецсправки. Я доходчиво излагаю?

– Доходчиво, – не очень уверенно ответил Владимир. – Только где я эти диски буду покупать? На «Горбушке»? Или у твоей подозрительной барышни?

Рамодин с укоризной взглянул на товарища. Как будто хотел сказать: «Что ж ты, сыщик, таких простых вещей не знаешь!» И пошагал дальше. Какой-то бомж, вынырнув из кустов, проводил его взглядом и бросил почтительно:

– Товарищ майор!

Наверное, на него произвело впечатление то, как Рамодин печатает шаг.

– Старина! – окликнул Евгения Фризе. – У тебя нет возможности на денек на два соскочить из конторы? Может, отгулы какие?..

Владимир подумал о том, что если таинственный «спонсор» клиента придерживается определенной периодичности в отсылке денег, то, возможно, завтра поступит очередной конверт с долларами. Исполняется четыре недели с того дня, как Седиков впервые получил деньги. И две после второго «поступления».

Чем черт не шутит?! Рамодин мог бы подстраховать Фризе, приглядеть за подъездом клиента.

– Я тебе на целый день нужен?

– Может, и на два.

– Вечером позвоню, – деловито бросил подполковник, и друзья наконец-то расстались.

Апельсиновая

Фризе объявил шах, и Август Николаевич надолго задумался: надувал и без того пухлые щеки, выпячивал нижнюю губу, даже пытался что-то бормотать. Что – Владимир не разобрал. Он смотрел в окно на пеструю толпу людей, медленнодвигающуюся по панели. Стоило слегка прищуриться, и начинало казаться, что навстречу один другому плавно текут два диковинных потока. Время от времени в плавном движении толпы происходили сбои: какой-нибудь нетерпеливый пешеход нарушал неспешный ритм движения, словно сверхмалая частица, выбитая из потока молекул или атомов нейтронной пушкой, – Фризе сразу же переставал щуриться и сосредоточивал внимание на этом пешеходе. Ему казалось, что курьер мифической «Службы доставки» придет пешком. Хотя почему бы ему не приехать на автомобиле?

Но интуиция – и опыт тоже – подсказывали: пешеходу легче затеряться в толпе. Далеко ли уедешь на авто при таких пробках? Машины на улице не сдвинулись и на метр за последние полчаса.

Странно было наблюдать за тем, что происходит на раскаленной полуденным солнцем улице, и не слышать ни звука.

«Тройной стеклопакет. Как у меня», – отметил Владимир и посмотрел на шахматную доску. Седиков все еще никак не мог решиться и сделать ход.

Фризе начал сердиться. Что он мнет лицо? На доске все ясно, как дважды два. И думать не о чем: теория эту позицию отполировала, как муравьи случайно попавшую в муравейник косточку. Надо брать пешкой слона, а не шептать заклинания!

«Интересно, как долго думал Август, прежде чем решился пригласить частного сыщика, а не пошел в милицию? И не оставил деньги себе да помалкивал в тряпочку?»

– Август Николаевич, – не столько ради того, чтобы проверить свою догадку, а из желания прервать затянувшиеся мучения Седикова спросил Фризе, – вы пословицу «дают – бери, бьют – беги» знаете?

– Вы о чем? – Седиков окинул доску недовольным взглядом и поднял голову. – По-моему, позиция... А, вы об этом!

– Об этом, об этом.

– Я все обмозговал. Очень тщательно.

«Не иначе как промучился с недельку, – подумал Фризе. – Ходил взад-вперед по квартире и бубнил: „Брат? Не брат?“ Как сейчас не может решить, брать или не брать слона пешкой».

– И пришел к такому выводу: если возьму, не пришлось бы мне бежать на длинную дистанцию.

– А что? Здоровое решение. Но тем не менее взяли?

– Я же объяснял, – недовольно произнес Седиков. – Взял, потому что отдавать пока некому.

– Пардон, но баксы вложили в дело.

– Деньги должны работать.

Фризе угомонился. Он подкусывал своего клиента скорее от скуки, хотел раззадорить его в надежде, что Август Николаевич рассердится и не будет думать над каждым ходом по полчаса. В конце концов, вопрос заключался не в том, что Август Николаевич сделал с деньгами, а от кого их получил.

Разговаривая с Седиковым, сыщик ни на минуту не выпускал из поля зрения тротуар, по которому все так же густо текли навстречу друг другу два человеческих потока. И подъезд, в который должен войти курьер – если только он придет в третий раз. Монотонное движение

толпы утомляло. У Фризе начинали уставать глаза. И тогда он старался выбрать в людском потоке какую-нибудь яркую фигуру, конечно, женскую, и следил, пока она не исчезала из виду.

На этот раз его внимание привлекла стройная черноволосая девица, такие фигуры – привилегия девушек от четырнадцати до двадцати. Лица ее он не видел, только загорелые ноги и спину, оголенную чуть ли не до ягодич. Но и этого хватило, чтобы разжечь его любопытство и строить домыслы, что у нее за личико. А когда к девушке подошла еще одна красотка, в легкой апельсиновой юбочке и в топике того же цвета, Владимир замер, как сеттер у гнезда вальдшнепа.

Именно в эту секунду Седиков решил сделать ход и торжественно объявил:

– Слоник ваш приказал долго жить.

Фризе даже не оглянулся на доску. Девицы представляли такую живописную картину, что он залюбовался радующей глаз парочкой.

У Апельсиновой, как сыщик сразу окрестил девушку в топике, на голове красовалась кремевая бейсболка, а из-под нее выглядывали золотистые пряди.

Апельсиновая – она была чуть ли не на голову выше загорелой эксгибиционистки – склонилась к ней и что-то сказала. Фризе подумал о Евгении Рамодине, который караулит у подъезда: «Уж он-то не пропустит такой великолепный дуэт».

Загорелая девица остановилась. Теперь Владимир увидел ее лицо. И не разочаровался.

Последовал короткий обмен репликами, и Апельсиновая передала эксгибиционистке пакет, который тут же исчез в ее модной сумочке.

– Я слоника вашего взял, – напомнил Седиков.

– Очень правильно, – весело откликнулся Фризе, не выпуская из поля зрения девиц. Но общение девиц продолжалось секунду-две: красотки тут же исчезли. Апельсиновая словно растворилась в толпе, а загорелая вошла в подъезд, за которым Владимир наблюдал. Он понял, что оплошал. Но не бежать же теперь на улицу догонять курьершу! Да и курьершу ли? Впрочем, он ни секунды не сомневался в том, что рыжая появилась перед домом Августа неспроста. Оставалось только надеяться на Женю Рамодина, на его способности опытного розысника.

– Вы говорили, ваша дочь на даче? – спросил Фризе Августа Николаевича.

– Да. Маргаритка за городом, – теплея, отозвался Седиков. – Но сегодня обещала приехать. – Он взглянул на часы. – С минуты на минуту явится.

– Уже явилась.

– А вы откуда... Вы где с ней познакомились? – спросил он подозрительно.

– Сейчас познакомимся, – буркнул сыщик и отвел наконец взгляд от уличной толпы, в которой растворилась Апельсиновая.

Они услышали, как поворачиваются ключи в замке, и молча уставились на дверь в прихожую, забыв про шахматы.

– Папеч, ты здесь? – раздался звонкий молодой голос. – Папочка, ты сегодня не в конторе?

Маргарита возникла на пороге, и Владимиру бросилось в глаза удивительное сходство дочери с отцом. Только она была брюнеткой. И природа потрудились над тем, чтобы добавить в отличие от папеньки резкости ее чертам, хотя это нисколько не мешало ей быть красавицей. Но Фризе не «тащился» от брюнеток.

– Чегой-то ты такой встревоженный? – спросила она отца, не удостоив Владимира даже поклоном. А увидев на столике шахматную доску с фигурами, добавила: – Проиграл?

– Нет, не проиграл. И вообще я не встревоженный. С чего ты взяла?

– Вам что-то передали на улице? – поинтересовался сыщик, решив напомнить о своем присутствии.

– Да. Кстати, папочка, тебе пакет, – Девушка расстегнула похожую на кисет сумочку и достала плотный толстый конверт с надписью золотыми буквами: «Экспресс-доставка.

Седикову Августу Николаевичу». – Какая-то благоухающая девица просила тебе передать. С работы, что ли?

– Чем она благоухала? – спросил сыщик. Он задал первый пришедший ему в голову вопрос, надеясь втянуть девушку в разговор и побольше узнать о золотоволосой курьерше.

– Как она тебя назвала? – поинтересовался Седиков.

Они спросили хором. Оба вопроса прозвучали одновременно. Девушка улыбнулась и тут впервые обратила внимание на Фризе:

– Это твой сотрудник?

– Да. Нет! Может, ты отдашь мне пакет? – почему-то рассердился Август. Наверное, на свой невразумительный ответ.

А Владимир подумал: «Какой же я болван! Спросил, чем благоухала красотка!»

– Вот твой сверток, папочка. – Маргарита подошла к отцу, стоявшему столбом посреди комнаты, и опустила пухлый пакет в распахнутый ворот рубашки.

– Марго!

– Может, сядем? – предложила дочь. – И ты мне все расскажешь.

Она, как умелый футболист, запустила свои босоножки в угол комнаты и с ногами заби-лась в кресло. На ее лице отразилось блаженство: все-таки ходить в босоножках на высоком каблуке жарким летом большая пытка. Только сейчас Фризе заметил, что глаза у Маргариты голубые. Даже не голубые, а синие. Как васильки. «Надо же, – подумал он. – Брюнетка с синими глазами».

Август Николаевич сел в кресло напротив дочери..

– Так этот симпатичный мужчина – твой сотрудник? – повторила вопрос девушка.

– В известной мере...

– А мера большая?

Август Николаевич пропустил едкий вопрос дочери мимо ушей. То ли уже привыкнув к колкостям, то ли был ошеломлен, предчувствуя провал операции.

– Маргарита, мне пришлось воспользоваться услугами частного детектива. Об-сто-ятель-ства заставили. – Он сделал легкий поклон в сторону Фризе: – Владимир Петрович.

– Ага, – приняла к сведению заявление отца девушка. – Про обстоятельства ты мне расскажешь сейчас? Или позже? Извини, чуть не забыла про твой вопрос. Отвечаю – молодуха подсекла меня рядом с подъездом. Спросила: вас зовут Маргарита Седикова? Я не отпиралась. И она вручила мне пакет. Сказала: передайте Августу Николаевичу. Чтобы мне сэкономить время, не тащиться на третий этаж. У экспресс-доставки дел невпроворот. Только и всего.

– А других пакетов у нее не заметили? Или сумки? – спросил Фризе, хотя видел, что красотка была налегке.

– Не заметила. – Девушка повнимательнее взглянула на сыщика. – Кстати, вы спросили, чем она благоухала. Начитались Зюскинда? Удивительно, но я об этом тоже подумала. Немного резкий, но очень приятный парфюм. Никогда мне не встречался.

Она задумалась, а у Фризе мелькнула мысль о том, что за каждым ароматом – мужским – должен скрываться реальный мужчина. Любовник. Просто хороший знакомый. Не слабо! Но тут же он нашел аргумент в защиту Маргариты: а папин одеколон? Или дедушкин. А если Маргарите очень повезло, то дедушек у нее должно быть два. И еще дяди. Впрочем, насколько успел заметить Владимир, ее папа постоянно употреблял туалетную воду «Хюго».

– Незнакомый мне запах. Мужчине он бы больше подошел, – добавила она. И Фризе не уловил в ее голосе иронии. Васильковые глаза были спокойны, даже безмятежны. – Эта деваха – ваша знакомая? Вы их различаете по запахам?

Маргарите явно доставляло удовольствие попикироваться. С папой, с гостем – все равно с кем.

А вот Август Николаевич сидел притихший, сосредоточенный. Его глаза, наверное, неосознанно, перебежали с дочери на сыщика и тут же проделывали обратный путь. Фризе испугался – уж не затянется ли пауза надолго, как при обдумывании очередного шахматного хода?

– Да расскажите вы Маргарите Августовне все как есть, – предложил Владимир. – Женщины умеют хранить секреты не хуже нашего.

– Ну что же! – Седиков достал из-за пазухи пакет, мгновение подержал его на ладони, словно хотел по весу определить, сколько же баксов прислали ему на этот раз. А может быть, он так поднаторел в «общении» с деньгами, что определить сумму по весу для него не составляло никакого труда. – Ну что же, – повторил он и вопросительно взглянул на сыщика.

Фризе взял у него из рук пакет, достал из кармана перочинный ножик, осторожно вскрыл пакет, взял его себе, а доллары вернул Августу Николаевичу.

Как и в прошлый раз, в пакете было пятьсот ста долларовых купюр.

Внимательно разглядывая большой конверт, Фризе обнаружил то, чего не увидел Седиков. На нем имелся водяной знак: «Debra Strip». Но Фризе знал – конверты с таким водяным знаком встречались повсюду.

– Я напрасно взяла этот пакет? – спросила Маргарита, с удивлением разглядывая деньги.

– Вы все сделали правильно, – попытался успокоить ее Владимир.

Но, похоже, его мнение девушку не интересовало. Ей требовался вердикт отца.

– Это же так естественно! Тебя попросили передать пакет. Ты просьбу выполнила. В этом нет ничего криминального.

Девушка почувствовала сомнение в словах отца. А может быть, ее насторожило словечко «криминальное».

– Но лучше было бы не брать?

– Владимир Петрович так не считает. Ему виднее.

– Тайны мадридского двора? Я надеюсь, ты все расскажешь мне потом, – бросила Маргарита, выбралась из кресла и, как была босая, прошлепала в соседнюю комнату.

Фризе уже знал, что это ее «девичий терем». На мгновение она снова возникла в дверях и сказала ласково:

– И про парфюм, папочка, расскажешь. Почему он так заинтересовал господина сыщика.

Она даже не взглянула на Владимира и тут же удалилась.

Помня о том, что на улице дежурит Рамодин, Владимир подошел к окну. Евгения нигде не было видно. «Набрать номер его мобильного?» – подумал он. И тут же отверг эту идею. Если Рамодина нет около дома, значит, он засек курьершу и сейчас «пасет» ее. Звонок по мобильнику может испортить дело. Оставалось одно – ждать.

– Как же теперь поступать? – спросил Август Николаевич. После того, как дочь ушла в свою комнату, он уже не пытался делать вид, что ничего особенного не произошло. В его голосе чувствовалась тревога, а на лице блуждала растерянная улыбка.

– Вы стали богаче на пятьдесят тысяч, – усмехнулся Фризе. – Уже хорошо.

– Сейчас не до шуток. Такое впечатление, что надо мной сгущаются тучи.

Владимир тоже понимал, что вокруг предпринимателя закручивается какая-то непонятная, а потому опасная интрига. Но сейчас он решил успокоить Седикова. Может быть, потому, что в соседней комнате находилась очень молодая и очень красивая дочка.

– У подъезда дежурил мой товарищ. Сейчас его там нет. И звонка от него не было. Есть надежда, что ему удалось сесть на хвост апельсиновой девице.

– Точно! Апельсиновой! – радостно откликнулась Маргарита, бесшумно появившаяся в кабинете.

Фризе подсадовал на себя за то, что не заметил, как вошла девушка. Ей-то незачем знать, что за курьершей ведется слежка. Но что сделано, то сделано.

– Значит, у вас тут действительно интриги и страсти роковые, – продолжала девушка, поочередно вглядываясь в лица отца и сыщика.

Фризе с удивлением заметил, как быстро – в мгновение – с лица Седикова исчезла гримаса растерянности и оно засветилось благожелательной и уверенной улыбкой. Но дочь это не обмануло.

– Нет, не буду я ждать, когда ты пойдешь в признанку! – Последовательность не была ее сильной стороной. – Папочка, не лицедействуй. Выкладывай свои проблемы. И вы тоже, Владимир... – Она, по-видимому, не запомнила отчество сыщика и запнулась.

– Можно и без Петровича, – предложил Фризе, но девушка решила, что с сыщиком, работающим на ее отца, следует вести себя строго.

– И вы, Владимир Петрович, не темните. Я член семьи и обязана знать все.

Август Николаевич посмотрел на Фризе.

– Да-да, – ернически выпалил Владимир. – Вы, милая Маргарита, все узнаете от папы. Раньше или позже.

Обращение «милая Маргарита» заставило девушку покраснеть. Она круто переменяла тему.

– Вы, наверное, еще не обедали? – спросила она деловито.

– Нет, Марго, – улыбнулся Седиков. – Можем съездить в ресторан?

Фризе только собрался возразить, как Маргарита выпалила:

– Папочка, ты же слышал – Владимир Петрович ждет сообщений от своего сыщика.

– Ах да...

«Не доченька – компьютер, – внутренне поежился Владимир. – Настоящая служба наблюдения и связи. Что-то из нее получится в будущем?» И еще он подумал: Маргарита надеется, что сытый мужчина будет более откровенным.

Ни в какой ресторан они не поехали. Маргарита приготовила обед из хранившихся на кухне запасов: пюре, котлеты по-киевски, консервированная фасоль. Не слишком шикарно, все полуфабрикаты, но с пивом «Карлсберг» обед получился вполне сносным.

Во время трапезы Седиков выложил дочери затянувшуюся историю с халявными баксами. Владимир только изредка вставлял замечания и почти всегда нарывался на едкие комментарии девушки. Тем более удивительным оказался ее вердикт:

– Папочка, доверься Владимиру Петровичу. А не то споткнешься о какую-нибудь кашку.

Рамодин терпит фиаско

Когда мужчины долгие годы занимаются розыскной работой, наделены природной сметкой да к тому же дружат, у них возникает много общего во взглядах на события и людей. От внимания Евгения Рамодина, дежурившего на улице, тоже не ускользнуло мимолетное сближение апельсиновой девицы в бейсболке и черноволосой красотки. Эта прелестная парочка уже сама по себе притягивала взгляд подполковника. А когда рыжеволосая вдруг резко рванула на сближение с брюнеткой, Рамодин раскрыл глаза пошире. И не пропустил момента, когда молодлица в топике передала ей пакет, который та небрежным жестом опустила в свою сумочку. Евгений Рамодин взглянул на эркер, в котором до последнего момента маячила голова Фризе. Сейчас приятеля не было видно.

Краем глаза проследив за получившей пакет девицей, Евгений убедился, что она вошла в подъезд.

Рамодин подумал: «Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки. – В этом подъезде находилась квартира Седикова. – С брюнеткой разберется Длинный, а мне надо не упустить рыжуху».

Он медленно, словно нехотя, двинулся за девушкой в кремовой бейсболке.

Та шла спокойно, фланирующей походкой. Не оглядывалась, не озиралась. Только время от времени притормаживала у витрин шикарных бутиков. У Рамодина возникло впечатление, что стремительная передача в толпе внушительного пакета другой девице – не подруге, не знакомой, подполковник был в этом уверен, он видел реакцию брюнетки – обычное для нее дело. Пустячок.

Но уже минут через пять Рамодин заметил, что в походке молодой женщины исчезла вальяжность, шаг стал упругим и быстрым. Она перестала глазеть на витрины, и подполковнику стоило немалого труда, чтобы не упустить ее из виду. И только у огромной витрины магазина «Электроника» Апельсиновая застопорила свой стремительный проход по Маросейке.

В витрине красовалось десятка два или три телевизоров последних японских и европейских моделей, и все они работали, показывали разные программы, словно подмигивали прохожим, предлагая раскошелиться.

Рамодин подумал: девушка почувствовала слезку и остановилась проверить, нет ли за ней «хвоста». Зеркальная витрина магазина – идеальная поверхность, чтобы установить, не «пасут» ли тебя. Он знал это не понаслышке.

Чтобы не искушать судьбу, сыщик, не доходя метров тридцати до магазина, перебежал на противоположную сторону улицы и зашел в распахнутые двери продовольственного магазина. В небольшом его тамбуре уже расположился один посетитель – нищий с оплывшей желто-зеленой физиономией. На его голове красовалась мохнатая шапка, а на рваную тельняшку была приколата кровельным гвоздем записка: «Подайте на закуску».

Наверное, этот бомж был тертый калач, потому что уже через минуту после того, как Евгений встал за наглухо заколоченной створкой двери, он пробормотал: «Ментяра!» и сосредоточился на потенциальных благодетелях. Рамодин с удивлением заметил, что в давно не мытой руке нищего еще одна шапка. Для подаяния.

А девица в апельсиновом топике по-прежнему стояла и глазела в экран телевизора.

«Похоже, что она меня засекла, – подумал Евгений. – Хотя такие киски и представления не имеют о том, что такое осторожность. Может быть, у нее здесь назначена встреча? Очень кстати. Заодно узнаю, с кем».

Прошло минут десять. К курьерше никто не подходил, а она, казалось, навечно прилипла к витрине с телевизорами.

Подполковник начал сердиться: «Что там показывают? Очередную мыльную оперу? Боевик? У бабехи нет дома телика?»

Девушка с таким интересом вглядывалась в экран, что Рамодин с трудом подавил в себе желание вернуться на противоположную сторону улицы и посмотреть, что же так ее увлекло.

Он напряг зрение и попытался сконцентрироваться на мерцающем экране. Похоже, что показывали боевик: яркие кадры объятых пламенем автомобилей сменялись мельканием непонятных цветных пятен – то ли видов Диснейленда, то ли погони по солнечным улицам южного города. Рамодину показалось, что он однажды видел эти кадры. Но, возможно, это были «горячие» новости.

Внезапно изображение на экране – на всех экранах – пропало, по ним побежали мало-понятные полосы, а секунду спустя экраны погасли.

И пропала, как будто растворилась в городской дымке девушка, за которой следил Рамодин. Он машинально отметил, что у витрины магазина в этот момент не было ни одного человека. И мог поклясться, что не упускал девушку из поля зрения. Курьерша постоянно находилась у него перед глазами и не могла внезапно смешаться с толпой. Толпы не было.

Девушка не могла зайти в магазин. Для этого следовало преодолеть около пятнадцати метров. А Рамодин видел, что курьерша не сдвинулась ни на шаг. Просто исчезла.

«Я сегодня мало спал, – подумал подполковник. – И не завтракал. При таком режиме может примерещиться что-нибудь и похлеще. Небось виноваты спазмы сосудов. Или вспышки на солнце. Оно в нынешнем году через два дня на третий взрывается».

Евгений готов был назвать еще с десятков причин, не позволивших ему засечь момент, когда девушка покинула свой пост перед витриной «Электроники». В одном он был уверен: это произошло в тот момент, когда на экранах телевизоров вместо картинок замечались черные и цветные полосы. Он готов был продолжить список причин, которые помешали ему устеречь девушку в апельсиновом топики. Но понимал, что ни одна из них не будет правдой.

А правда состояла в том, что девушка просто растворилась в воздухе! В городском смоге. Но разве найдется хоть один человек, который поверит в это? Каждому известно, что московский воздух, пропитанный выхлопами вредных металлов, губителен для людей. Но люди угасают медленно, а не исчезают, как метеорит в ночном небе.

Подполковник вздохнул. Не оставалось ничего другого, как позвонить приятелю и повиниться, что упустил объект. То бишь апельсиновую девушку.

«О чем невозможно говорить, о том следует молчать»

– Женя, ты догадался? – Фризе смотрел на Рамодина с надеждой.

Подполковник кивнул.

– Умница.

– Эта красotka... Брюнетка... Она зашла в подъезд. Я подумал: наверное, соседка нашего Августа.

– Дочка.

– Ты с ней пообщался?

– Было дело.

– Как же! Длинным достаются лучшие девушки. – Рамодин звал Владимира Длинным, несмотря на то что сам был только на три сантиметра короче.

– Ты же знаешь, брюнетками я не увлекаюсь.

– Ну-ну. – Рамодин погрозил Владимиру пальцем.

Он уселся в глубокое кожаное кресло, с гримасой отвращения сбросив с него прямо на ковер пачку свежих газет. Когда-то подполковник пылал лютой ненавистью к журналистской братии, считая, что одна половина из них лижет задницу властям, а другая – олигархам. Со временем он поумнел и понял, что никакой разницы между властями и олигархами нет. А ненависть, не подкрепленная действием, мало чего стоит. Только вредит здоровью. Он перестал раздражаться от заведомой лжи и чудовищной безграмотности прессы и телевидения. Но продолжал испытывать стойкое омерзение от одного лишь вида печатной продукции. Как Фризе ни внушал ему, что бывают исключения, переубедить приятеля он не мог. Владимир даже подозревал друга в том, что тот под влиянием какой-нибудь подружки-эрудитки приобщился к философии дзен. Ведь адепт дзен хочет, чтобы человек имел сами вещи, а не их объяснения.

Встревоженный, даже какой-то потерянный вид подполковника поразил Владимира. Он молча достал из бара бутылку «Бурбона», принес из холодильника лед и содовую. Поставил на журнальный столик перед Рамодиным. Потом придвинул второе кресло и сел сам.

– А орешки? – мрачно спросил подполковник.

– Гурман чертов.

Пришлось возвращаться на кухню за пакетиком с миндалем.

Евгений уже положил в бокалы лед и наливал виски. Не на доньшко, как обычно, а по полстакана.

«Что будет... – внутренне поежился Фризе. – У товарища подполковника серьезные намерения».

В свой стакан Евгений даже не добавил содовой. Поднял его, улыбнулся виновато, чего никогда за ним не замечалось, и выпил до дна.

Когда они познакомились несколько лет назад во время одного из расследований, Рамодин пил только водку и коньяк. Виски на дух не переносил. Фризе с трудом убедил его, как он любил говорить, «смочить язык». Сказал, что больше ничего, кроме виски, в доме нет. Даже бутылки пива. И теперь приятель пил виски наравне с водкой. Правда, сам никогда не покупал. Да и откуда у милицейского подполковника деньги на дорогой напиток? На кефир не всегда хватает.

Только после второй порции Рамодин немножко расслабился, и глаза его подобрели.

– Значит, такая приключилась фортель...

– Такой, – поправил Фризе, но подполковник не обратил внимания на его замечание.

Владимиру даже показалось – не услышал.

– Старик, ты усек момент передачи пакета? Никуда не отлучался?

– Все видел, Женя. Как рыжая деваха его Маргарите передала, видел особенно отчетливо.

– Маргарите? Ах да! Вы же...
– Не отвлекайся. Ты пошел за девицей в топике...
– Длинный, мы с тобой об одной и той же «сыроежке» говорим? – спросил Рамодин с пьяной хитрецей.

– Об Апельсиновой.

– Точно. Ты ее правильно так окрестил. Ну, не знаю. Апельсиновая! Слишком красиво!
Вот сволочь!

По тому, с каким чувством прозвучала последняя фраза, Фризе понял, что девушку Рамодин упустил.

– Долго шел за ней?

– Не очень.

– Уехала на машине?

Рамодин вздохнул. Несколько секунд он молчал, собирался с духом.

– Ты в мистику веришь?

– Приехали!

– Ладно, ставлю вопрос по-другому. Ты мне доверяешь? Я когда-нибудь тебе лапшу на уши вешал?

– В этом ты, Женя, большой мастак.

– Кончай! Хватит трепаться. Я же всерьез.

– Ну, если всерьез – никогда.

– Ладно. Другой ответ был бы неуместен. А раз так, слушай. И не подьелдыкивай.

Рамодин подробно рассказал о том, как следил за девушкой в апельсиновом топике среди шумной московской толпы. О том, с каким интересом она разглядывала витрину магазина «Электроника».

– Знаешь, Володька, я даже подумал: а не смотрит ли она какую-нибудь мыльную оперу? Но показывали новости. А новости, как известно, красивых девушек не интересуют.

– Кончай живопись! Переходи к главному.

Но пока подполковник со всеми подробностями описывал слежку за курьером, его намерение поведать приятелю о своих мистических ощущениях пропало. Он представил, как блеснут иронией глаза Владимира, как он поинтересуется: «И много ты взял на грудь, старина? Или просто головенку напекло?» Нет. Лучше объяснить неудачу своей невнимательностью, чем давать повод для насмешек. «Растворилась в воздухе, прошла сквозь стену»... Никаким честным словом, никакой клятвой не заставить здравомыслящего человека поверить в мистические явления, пока с ним не произойдет нечто подобное.

– И тут я отвлекся, – уныло произнес Евгений.

– Или сморгнул, – вставил Фризе, с сожалением сознавая, что не ошибся и Рамодин упустил подопечную.

– Не сморгнул! Какой-то бомж попрошайничал рядом со мной. Я еще обратил внимание, какая смешная у него надпись на груди была: «Подайте на закуску».

– Ну-ну...

– Баранки гну, – огрызнулся подполковник. – Этот прохиндей начал базарить с самодовольным пижоном. Я оглянулся... А через долю секунды этой мандариновой у витрины уже не было. Как сквозь землю провалилась!

Бомж-попрошайка действительно с кем-то заспорил. Рамодну даже показалось, что рядом с ним началась потасовка, но, как опытный оперативник, он даже глазом не повел в сторону спорящих. Следил за девицей. Но не готов он был сейчас сносить насмешки от приятеля. Язык не поворачивался рассказать, что апельсиновая девица действительно растворилась в воздухе. Стала невидимкой, как автомобиль Джеймса Бонда.

А зря не рассказал. Как бы он облегчил Фризе его дальнейшую судьбу!

Сюрприз

Базу данных, в которой значились все, по крайней мере прописанные, москвичи, Фризе купил, когда попал в пробку на Бульварном кольце, напротив Дома журналиста. Несколько юрких пареньков сновали между попавших в ловушку автомобилей и что-то нашептывали водителям. У стареньких отечественных «москвичей» и «жигулей» парни не останавливались. Выбирали машины пошикарней. Но и в выборе дорогих автомобилей они проявляли избирательность. К некоторым не подходили. Мимо БМВ Владимира один из продавцов прошел, как мимо пустого места.

«Что за черт! И номера у меня не блатные и не милицейские, и спецсигналов никаких... Лицо, что ли, протокольное?»

Но чего-чего, а свое лицо Фризе знал в подробностях. И претензий к нему не имел. Оставалось только списать поведение торговцев запрещенным товаром на их опыт и недюжинную интуицию.

Владимир опустил стекло и негромко посвистел. Один из продавцов оглянулся и неторопливо подошел. Лицо у него было скучное, а глаза настороженные.

– Чего?

– Того, – в тон парню ответил Фризе. – Базу проживающих.

– Шестьсот.

– Пятьсот. – Сыщик помнил информацию, полученную от Рамодина.

– Заметано.

И только после того, как деньги нашли свое пристанище в заднем кармане брюк продавца, диск перешел во владение Фризе. Из глаз молодого человека – Владимир отметил, что они небесно-голубого цвета, – исчезла настороженность.

– Базу данных МВД? – спросил «бизнесмен».

– И ФСБ. И налоговую.

Парень кивнул коротко стриженной головой.

– И комитет по наркоте.

– Еще не поступали.

– За все три еще пятьсот? – спросил Владимир наугад.

Парень кивнул.

«Недорого же стоят наши спецслужбы», – усмехнулся Фризе и протянул продавцу еще пятьсот баксов.

Ему не терпелось посмотреть диск, найти однофамильцев своего клиента. Не терпелось познакомиться с ними поближе, но машины словно приклеились к асфальту.

Фризе проскучал в пробке еще минут тридцать. За это время вполне можно было дойти до дома пешком и вернуться обратно.

Стриженный парень, продавец секретных материалов, не раз еще проходил мимо белой «красотки» Владимира. Как заметил Фризе, торговля шла не очень-то бойко: товар хоть и предлагался суперсерьезный, но и цена кусалась. Да и покупатель на такую продукцию должен был быть специфический.

Сердце Фризе екнуло, когда среди нескольких десятков Седиковых А. Н. он наткнулся на Августина Николаевича, проживающего в Козицком переулке. «Козицкий, Козицкий... – пропел Владимир повеселевшим голосом. – Так похож он на Козловский, но а все же не Козловский!»

В Козловском переулке жил его клиент.

Это совпадение выглядело многообещающим. Чем черт не шутит! А вдруг? Папа с мамой могли наречь своего отпрыска Августином, а повзрослевший отпрыск застыдился непривыч-

ного имени с римско-католическим акцентом и переименовал себя в Августа. Чуть попроще. По крайней мере знакомые девушки не пели бы ему шутивную песенку про милого Августина.

Фризе усмехнулся. И откуда бы современные девушки могли узнать про эту песенку? Они и Россини от Россетти не отличат. Стоит только минуты две послушать «интеллектуалов», участвующих в жалких ток-шоу, без которых не обходится почти ни один телеканал. Вот какой-нибудь безголосый обормот, ноющий «шлягер», состоящий всего из одного слова – пожалуйста! Уже «звезда»! И все поклонники ноют вслед за ним это единственное слово, как будто оно и есть то самое, заветное.

Сам Владимир помнил веселую песенку про Августина с детства. Его дед, находясь в хорошем расположении духа, любил напевать ее под сурдинку. И конечно, по-немецки. Предки Фризе по мужской линии были обрусевшими немцами.

Помимо Августина Николаевича Седикова Владимир записал в свой простенький блокнот – бежевая коленкорная обложка и листочки в лиловую клеточку – однофамильцев Седикова, Авенира и Авеля Николаевичей. «А может быть, они даже братья? – подумал сыщик. – Оба имени какие-то ветхозаветные».

Он отметил, что Августин, Авенир и АVELЬ – да и сам Август – живут в центре Москвы. Ни один не поселился где-нибудь в Северном или Южном Бутове или, не дай бог, в Зюзино. И все обитают в переулках. Вот и не верь после этого в магию имен.

Заполняя блокнот информацией из купленной базы данных, Владимир еще не представлял, как ею распорядится. Но одно из своих предположений проверил сразу же. Позвонил клиенту в офис.

Трубку, по-видимому, взяла секретарша.

– Фирма «Пи-плюс», – сообщила она глубоким контраalto. – Здравствуйте.

– Здравствуйте. Можно господина Седикова?

Крепости без боя не сдаются. Тут же последовал вопрос: кто его спрашивает?

Фризе, как они и условились с клиентом, назвался РябоконеM. На тот случай, если кто-то заинтересуется, уж не тот ли это Фризе, который занимается частным сыском. Фамилия Фризе не так уж часто встречается.

– Сейчас посмотрю, на месте ли он, – сообщило контраalto.

Не меньше минуты сыщик наслаждался музыкальными пассажами «Этюда для Элизы». Потом услышал щелчок, еще один и, наконец, скучный, бесцветный голос Седикова.

– Здравствуйте, Владимир Петрович. Есть новости?

– Новостей нет. Есть вопрос. Всего один. Августом нарекли вас родители?

– А кто, по-вашему? Правительство?

– Признаю, вопрос задан неточно. По паспорту вы тоже Август? Не Августин?

– Август! Август! – сердито буркнул Седиков.

Фризе улыбнулся. Такая интонация ему нравилась больше. Он не выносил скучных, бесцветных голосов.

– И не Авелем? Не Авениром?

– И не Авесаломом! Список можете не продолжать. Ответ будет все тот же. А в чем, собственно, дело?

– Спасибо, Август Николаевич, – ласково сказал сыщик, сделав ударение на Августе. – До скорой встречи.

Фризе положил трубку и некоторое время сидел, рассеянно глядя в окно. Сегодня день опять выдался солнечный, жаркий, но в кабинете было прохладно. Год назад Владимир поддался на уговоры своей молодой приятельницы и оборудовал квартиру кондиционером. А старые рамы заменил тройным стеклопакетом. Теперь шум с улицы и со двора не проникал в комнаты, воздух приятно бодрил. Но после двух-трех месяцев эйфории от бытовых новшеств Фризе стал замечать, что накатывавшие на него время от времени приступы меланхолии стали

более продолжительными. Может быть, сказывался возраст – тридцать девять? А может быть, отсутствие семьи. Подруги появлялись в его большой квартире – иногда даже надолго – и снова исчезали. А он оставался один. Но по-прежнему считал свою свободу – или одиночество? – благом. А приступы тоски и раздражительность объяснял тем, что жил теперь за тройными рамами, как в безвоздушном пространстве. И не слышал «шума городского». Как он шутил: «биения подлинной жизни». Сбивался с ритма.

У Владимира сохранились воспоминания о том, как в детстве, вернувшись ранней осенью с дачи на Николиной Горе, он с удивлением прислушивался к непривычным звукам, проникавшим в детскую комнату сквозь приоткрытое окно: к дальним звонкам трамваев, сигналам автомобильных клаксонов, резкому женскому голосу, звавшему неизвестного ему Лёвика домой ужинать. Под эти звуки маленький Фризе засыпал. А просыпаясь, слышал, как разгружают под окнами ящики с батонами из хлебного фургона. И даже чувствовал достигавший шестого этажа аромат горячего хлеба.

С годами перезвон трамваев исчез, как и сами трамваи. По ночам во дворе звучали задушевные и немного заунывные песенки: «Виновата ли я, виновата ли в чем...» Пели: «Вот кто-то с горочки спустился...»

Пели почему-то одни девушки. Он выяснил потом, что эти девушки приехали по набору из соседних областей учиться в ПТУ.

Слова про «виноватую» прочно засели в памяти. Он слушал песню не один. Рядом была нежная большеглазая подруга. Его первая настоящая любовь.

Потом по ночам пели под гитару доморожденные барды. Они мешали спать. Но когда внезапно, словно по мановению волшебной палочки, все они куда-то исчезли, вечера и ночи осиротели. И даже звуки тотальной какофонии, несущиеся из динамиков выставленных на подоконники кассетных беспредельников, не так раздражали, как гробовая тишина, воцарившаяся за тройными стеклопакетами.

«Город не разбудит вас! – давила на психику обывателя агрессивная реклама. – Окна Хоббит без шума и пыли!» Что ж, шума действительно не было, а вот пыль... Но пыль есть и на Луне.

Фризе наконец отвел взгляд от окна. Только еще не хватало, начиная расследование, упасть в «грех уныния» из-за каких-то неясных душевных вибраций.

Он заставил себя вернуться ко всем этим многочисленным господам Седиковым с красивыми непривычными именами. Вставил диск в ноутбук, но вместо того, чтобы нажать на клавишу с буквой С., нажал на Ф. И отыскал Фризе.

С некоторым самодовольством он убедился в том, что человек по фамилии Фризе в столице всего один. Фризе Владимир Петрович. Адрес был указан точно, а метраж квартиры на десять метров побольше, чем значился в жировке, которую присылали для оплаты из ДЭЗа. «Боже мой! Да у них здесь метраж каждой комнаты отмечен! И какой дом – кирпичный или панельный».

Данных на Седикова Августина Николаевича из Козицкого переулка на диске было немного: номер дома, номер квартиры, этаж... Сведения о самом доме. Построен в 1909 году, в 1936 году подвергся реконструкции, в 1992-м – капитальному ремонту. Общая площадь квартиры – 251 метр. Пять комнат. Августин Николаевич проживал в Козицком переулке с 1998 года. В девяностые приобрести такую большую квартиру могли только очень богатые люди.

Еще сотню баксов сыщик потратил на то, чтобы выудить кое-какую информацию о самом хозяине квартиры. Ее сообщила паспортистка жилуправления, расположенного тут же, в Козицком переулке. Худенькая, чернявая – чеченка, решил Фризе, – она долго рассматривала его лицензию частного сыщика. Даже посмотрела на просвет. Владимир чуть было не предложил ей попробовать ксиву на зуб, но остерегся. Вынул из кармана новенький зеленый столярный столик и внаглую положил перед ней. Контакт был установлен.

Августин Николаевич – паспортистка величала его Августом – владел крупным туристическим агентством «Тише едешь – больше увидишь». Такое странное название объяснялось просто: агентство возило туристов по всей Европе и Малой Азии на автобусах. И процветало. По словам паспортистки. Она говорила о Седикове восхищенно, с придыханием. Фризе подумал о том, что Августин, наверное, широкая натура и не скупится на подарки. И подивился, с какой легкостью дама «сдает» квартировладельца.

– Мужик классный, – сказала паспортистка. – А жена...

– Кошелка?

– Если бы! Мегера. На сто один процент. Но красивая. Знаешь, дорогой, что такое красивая мегера?

– Понятия не имею, – с улыбкой отозвался Фризе. Он даже простил чернавке неожиданное обращение на «ты». У него появилось предчувствие, что нелюбовь к супруге Августина заставит женщину выболтать кое-что поинтереснее. Но в своих ожиданиях сыщик обманулся. В мозгу женщины сработал какой-то запирающий механизм, и она оборвала себя на полуслове. Владимиру даже показалось, что он услышал шлепок, с которым паспортистка захлопнула рот.

– Все-все! Кончайте выпытывать. – Она вышла из-за стола и остановилась перед сыщиком. – Я закрываюсь. Обед. Имею право?

– Приятного аппетита, – усмехнулся Владимир и тоже поднялся. – На обед вы сегодня заработали.

Он думал, что паспортистка обрушит на него поток брани, а то и кинется с кулаками. Но услышал лишь презрительное:

– Э-э, джигит...

И горянки умеют сдерживать свои эмоции.

«Поделом мне, – думал Фризе, выходя из пропитанных сыростью катакомб жилуправления. – Покупаешь человека – не попрекай его за жадность. Если и встречаются на земле праведники, ты в их число не входишь».

А на улице в это время разразилась гроза. В узком переулке раскаты грома походили на несмолкаемую канонаду, ливень обрушился стеной, водосточные трубы не справлялись с ревущими потоками, и они хлестали с крыш нескончаемым водопадом. Гремела жестяная кровля. Недели одуряющей жары обернулись грандиозным ливнем, небеса разряжались.

«Чего ради я оставил машину на Пушкинской площади? – посетовал Владимир, остановившись под козырьком подъезда и наблюдая за тем, как пузырящиеся потоки заполняют пространство между домами. – Сейчас вскочил бы в тачку – и адъё. Даже зонтик не взял».

Дверь подъезда хлопнула. Рядом с Владимиром остановилась паспортистка. Фризе узнал ее даже не оборачиваясь – по резкому аромату пряных духов. Парфюм не из дешевых. Он подумал об этом еще в жилконторе, как только вошел в комнату.

– Ливень, как у нас в Батуме, – сказала женщина с мечтательной ноткой в голосе.

– Так вы аджарка?

– Из Батума я, армянка.

– Вы на меня не сердитесь. С языка сорвалось... – Он не добавил «хамство», не смог себя переломить. – Как же вы променяли райские места...

Фраза так и осталась незаконченной. Внимание сыщика привлек шикарный черный лимузин, медленно рассекавший лужу посреди Козицкого переулка. Он осторожно подрулил к невзрачному подъезду напротив конторы и остановился.

– Господин Седиков! – уважительно произнесла уроженка субтропиков. – Август Николаевич. – И прежде, чем Фризе успел ее остановить, крикнула толстячку, вынырнувшему из лимузина:

– Господин Седиков! Вами тут частный сыщик интересуется. По фамилии Фреза.

Толстяк обернулся на слова паспортистки и на мгновение замер. Этого мгновения хватило ему на то, чтобы промокнуть до нитки. На Седикове была только белая рубашка с закатанными рукавами, а пиджак он держал под мышкой. Из автомобиля выскочил мужчина, наверное шофер, и раскрыл над владельцем агентства «Тише едешь – больше увидишь» огромный зонт. Седиков нетерпеливо отмахнулся и, взбежав на несколько ступенек, остановился под козырьком своего подъезда. Лимузин уехал. Медленно, не поднимая брызг.

Проклиная в душе так непринужденно отомстившую ему паспортистку, Фризе не смог в то же время не оценить комизма ситуации: разделенные огромной лужей и потоками ливня, они с Августином Николаевичем стояли друг против друга, ожидая, кто же скажет первое слово.

Первым обрел дар речи Седиков.

– Мануша! – крикнул он. – Это правда?

– Правда, – подтвердил сыщик.

– Как интересно. Может, я вам помогу?

Дождь заглушал слова, и Фризе скорее догадался, чем услышал последнюю фразу.

– Конечно, поможете! – крикнул он. Надо было выкручиваться. А это означало – идти на непредвиденный контакт. Правда, рано или поздно это все равно предстояло сделать.

– Милости просим! – крикнул владелец турагентства, перекрывая грохот дождя, молотившего по крышам и водосточным трубам. Он набрал код замка, придержал дверь и обернулся к Фризе. Сделал приглашающий знак рукой.

– Бойтесь растаять? – ехидно спросила Мануша.

– Боюсь. – Владимир собрался с духом, втянул голову в плечи и, в три прыжка перескочив через лужу, очутился рядом с Августином Николаевичем.

– Хорошо, – одобрил толстяк. – Даже рубашка не вся промокла. Дома получите халат и тапочки.

Квартира организатора неспешных автобусных путешествий оказалась именно такой, какой и ожидал ее увидеть сыщик: обиталищем недавно разбогатевшего человека, в меру оделенного вкусом и не в меру – средствами. Еще не совсем выветрился запах лака, штукатурки и кожи – повсюду стояли новехонькие кожаные диваны, кресла, пуфики. В одних комнатах темно-рыжие, в других – оливковые. Семья Седиковых жила под девизом: в доме должно быть все самое лучшее.

«А перед домом самая лучшая лужа», – подумал Владимир, утонув в мягком кресле и с одобрением наблюдая, как хозяин разливает в стаканы виски «Джонни Уокер» с синей наклейкой. В вишневом хозяйском халате, правда, коротковатом, ему было уютно. И меховые тапочки оказались впору. После первой порции виски сыщик простил хозяину и роскошь апартаментов, вспомнив к случаю слова Мишеля Монтеня о том, что человек не должен жить в бедности.

Августин Николаевич тоже наслаждался выпивкой, расположившись напротив, в точно таком же халате. Не скрывая заинтересованности, он смотрел на гостя.

– Кстати, ваши документы не промокли?

– Не должны. Они у меня закатаны в пластик. – Фризе достал из заднего кармана брюк лицензию и протянул хозяину.

Седиков внимательно изучил ксиву и с одобрением сказал:

– Очень любопытно. Очень. Никогда не думал, что моей персоной заинтересуется частный сыщик. Налоговики, УБЭП, таможенники – кто только не терзал меня своими вопросами! Даже пожарники. Даже санитарная инспекция. Но частный детектив... И в чем проблема?

Он снова налил в стаканы янтарный напиток. Ровно на четверть. Глазомер у него был отменный.

– Августин Николаевич... Кстати, паспортистка называла вас Августом – как правильнее?

– По паспорту я Августин. Но, сами понимаете, Августин – это не для повседневной жизни. Слишком... – Он сделал паузу, подбирая нужное слово.

А Фризе продекламировал:

– Ах, мой милый Августин, Августин...

– Вот-вот! Слишком претенциозно. В удостоверении, на визитке – везде я Август. Хотя и Августы редко встречаются. Но вы, наверное, заинтересовались мной не только для того, чтобы узнать мое настоящее имя?

– Я действую по поручению моего клиента, – дипломатично ответил Владимир.

– Понятно. Значит, имя тоже имеет значение. Назвать имя своего клиента вы, конечно, не вправе?

– Цель моих поисков – выяснить, не пропала ли у вас за последние два-три месяца какая-то ценная корреспонденция.

– Ничего себе заданье! Объясните.

Фризе готов был поклясться, что его собеседник насторожился. Не вздрогнул, не побледнел. Но серые его глаза блеснули тревожно. И он стал более собранным. Словно приготовился к новым неудобным вопросам.

– Объясняю. Допустим, вы знаете, что к определенному сроку вам должны прислать ценный пакет... По почте или экспресс-доставкой. А этот пакет не прислали. Раз, другой.

– Но это же так просто проверить. Набираешь номер лица, от которого ждешь весточку...

– Не весточку, а ценный пакет. Например, с большой суммой денег.

– Проверяется однозначно, – слишком бодро, как показалось сыщику, сказал Седиков и выпил очередную порцию виски. В задумчивости погромел оставшимся в стакане куском льда, взялся за бутылку. Спросил Фризе: – Не возражаете? Чтобы не разболеться.

Фризе не возражал.

– Владимир Петрович, у вас, у вашего клиента есть основания думать, что мне чего-то недодали? Или украли по дороге? Если это деньги, то кто же сейчас посылает их почтой? Ну разве бабушка внуку-студенту полсотни-сотню с пенсии.

– Вы слышали, конечно, про экспресс-доставку?

– Не знаю, с чем ее едят. Ни разу не слышал.

Владимир был уверен, что Августин лукавит. Эта пресловутая «Экспресс-доставка» раздула такую мощную рекламную кампанию по телевидению и радио, что не знать о ней мог только старообрядец где-нибудь в глухой тайге.

– И в чем интерес вашего клиента? Что ему за дело до моей корреспонденции? Или «Экспресс-доставка» ошиблась адресом? Переслала мою корреспонденцию ему?

«Ну вот, наступил момент истины, – подумал сыщик. – Сейчас все прояснится».

Но Августин ничего прояснять не собирался.

– Беда – или счастье – в том, что, насколько мне известно, ничего у меня не пропало. Ни из почтового ящика, ни из квартиры. Нет, Владимир Петрович. Нет-нет. Знаете, – Седиков расплылся в улыбке, – сам факт, что приходит частный детектив с намерением вернуть мне какие-то ценности, возможно, утерянные мною, – невероятный прецедент. – Он восхищенно покрутил головой. – А неизвестный мне человек идет дальше! Он оплачивает услуги этого детектива. Ради моего блага. А ваши услуги, Владимир Петрович, наверное, дорого стоят?

– Дорого.

– Как интересно! Как интересно! Сколько же, если не секрет?

– Вам, Августин Николаевич, скажу. Чтобы хоть как-то отблагодарить за прекрасное виски. Гонорар мой доходит до ста тысяч. А иногда бывает и больше.

Впервые за время беседы серые глаза хозяина заинтересованно блеснули. Фризе даже покосился на окно – не выглянуло ли солнце? Но небо по-прежнему было затянуто тучами и лил дождь.

– Спасибо за откровенность. А мои ответы вас удовлетворили?

– Вполне. Ведь других у вас нет?

– Я вот думаю... – сказал Августин Николаевич, никак не среагировав на слова сыщика. – Ваш клиент, наверное, мой полный тезка. И что-то такое получил неожиданное. И очень ценное. Но, как он считает, чужое. И боится подвоха. Не скажете, что он получил? – спросил Седиков с лукавой улыбкой. Глаза Седикова лукаво блеснули, и он напомнил Фризе хитрого мальчишку.

– Это ваши домыслы, – отмахнулся Владимир. Но внутренне поежился от пронизательности собеседника.

– А в действительности? Так-таки и не скажете?

– Не скажу, – засмеялся Владимир. Он почувствовал, что слегка захмелел. И окончательно согрелся. И что хозяин ему симпатичен. Только почему он такой толстячок? Молодой же еще. Фризе решил, что Августину не больше сорока. Они почти одногодки. И если бы владелец турагентства не хитрил, они могли бы и подружиться.

– Ну что ж. Не сумел я вас расколоть. Не выяснил, намного ли богаче стал мой полный тезка.

Фризе насторожился. Весь хмель вылетел у него из головы. «Неужели я так разомлел от выпивки и тепла, что упомянул про деньги? Хренов профессионал!» Он лихорадочно прокрутил в голове весь разговор с Августином и теперь мог поклясться в том, что ни разу не сделал даже намек на то, что его клиент получал деньги.

– Такая уж у вас профессия: «Скрывай от мира и тай и мысли, и дела свои», – продолжал Седиков-второй, как окрестил Владимир собеседника. Он внимательно взгляделся в лицо сыщика: – Кстати, коли не хотите играть в открытую и ко мне у вас вопросов больше нет, давайте поговорим о политике. Пока сохнет ваша одежда.

Вопросов-то у сыщика к хозяину было хоть отбавляй. Но эти вопросы такие, которые могли «засветить» клиента. Поэтому они отпадали. Но и про политику Фризе говорить не хотелось. С души его воротило от политики.

– Ой! – вырвалось у него непроизвольно.

– Нет? Не хотите? Мы же интеллигентные люди! А какие у нас, у интеллигентов, темы для разговоров? Политика да бабы. Нет?

– Вы, Августин Николаевич, по-моему, удачное название для своего агентства придумали. «Тише едешь – больше увидишь». Хочется забросить все дела и побежать за путевкой. Седиков рассмеялся. Постучал кулаком в грудь.

– Я, лично я придумал. И запатентовал название. На дела не жалею. Триста автобусов колесят по Европе.

– Ого! – восхитился Фризе. – Пришлось большие капиталы вложить?

– Еще бы! У меня были акции РАО ЕЭС одного крупного банка. Немного. Знаете, что такое минитарный акционер? Пришлось акции продать.

Его запал вдруг как корова языком слизнула. Августин Николаевич скис и, засунув правую ладонь за лацкан халата, помассировал грудь.

– Сердце зацепило. С чего бы?

– Таблетку? – спросил Владимир. – Или врача вызвать?

– Нет-нет. Уже отпускает.

Вместо таблетки Седиков плеснул себе и Фризе виски и выпил. От сыщика не укрылось, что выпил он с большим удовольствием.

– У вас, Владимир Петрович, так бывает? Вдруг чиркнет... – Он опять прикоснулся к груди. – От испуга родную мать забудешь.

Августин Николаевич забыл договорить о своих проданных акциях энергетической компании. И Фризе, поднатюривший в разгадывании хитроумных приколов своих собеседников,

не сомневался, что «чиркнуло» изобретателя «тихой езды» после того, как он внезапно осознал, что сболтнул лишнее. Но в чем заключалось это «лишнее», сыщик даже не догадывался. Пока же он пробовал вернуть собеседника к теме:

– Вовремя же вы успели избавиться от акций РАО. Нынче они падают и падают. И у крупных банков, и у мелких. Не так ли?

– А... Я давно за этим перестал следить. Да и не так много на них заработал. В долги все же пришлось влезть.

Когда Фризе покидал уютную квартиру Августина Николаевича, они были почти друзьями. Седиков даже сумел дотянуться до лица сыщика и расцеловал его в обе щеки. Владимир до омерзения не любил целоваться с мужчинами, но стерпел.

– Я вызову свою машину? – предложил Седиков.

– Моя тачка припаркована на Пушкинской.

– Так ведь в переулке лужа! Опять промочите ноги. – То, что гостю, выпившему с ним бутылку виски, предстояло сесть за руль, Августина не смутило.

Фризе хотел сказать, что богатенькие обитатели Козицкого переулка могли бы скинуться да привести в порядок стоки. И поменять покрытие на проезжей части. Сэкономили бы на ремонте своих дорогущих тачек. Но воспитывать нуворишей не входило в его обязанности. И еще ему показалось, что его призыв не будет услышан.

Оказалось, что Августин Николаевич был не настолько пьян, чтобы забыть о своих интересах. Уже в дверях он сказал:

– Владимир Петрович, господин сыщик! Не дадите мне свою визитку? Может, я чего-нибудь вспомню. Или ваша помощь потребуется.

Фризе вручил Августину чуть подмокшую во время ливня визитку.

Когда он вышел из подъезда, дождь уже закончился. В узком просвете между домами голубело небо, и чувствовалось, что изнуряющая жара вернется снова. Над огромной лужей стоял не то туман, не то дымка от выхлопных газов. Чья-то сердобольная рука набросала в воду кирпичей, по которым, если повезет, можно было перебраться на твердь земную. Владимиру не повезло. На самой середине лужи один из кирпичей «взбрыкнул», и сыщик оказался в воде по шиколотку. И дальше уже шел, не глядя под ноги. Единственно о чем он пожалел, так это о том, что в мокрой обуви и брюках не может появиться в ресторане. Но зато – меньше шансов попасть на глаза гаишнику. Литровая бутылка «Джонни Уокера» на двоих – многовато, чтобы свободно раскатывать по центру города.

Что же в итоге?

Владимир приготовил себе яичницу с ветчиной, сварил крепкий кофе. Голова начала понемногу проясняться.

«Если к вечеру проголодаюсь по-настоящему, приготовлю свинину на ребрышках. Или...» Он поморщился. Думать о еде, едва покончив с яичницей, не хотелось. Владимир с удовольствием растянулся на диване, натянул на себя плед и закрыл глаза. И почувствовал, как его качает на утлой лодочке мертвая зыбь. Он открыл глаза. Качка прекратилась. Фризе стал вспоминать шаг за шагом детали своего визита в Козицкий переулок.

Чего же новенького он там выяснил?

Августин на поверку оказался Августом. Для всех знакомых, друзей, наверное, для жены и детишек. Фризе подумал о том, что дети остались за кадром. Седиков о них не обмолвился, и никаких признаков их обитания в квартире сыщик не заметил. Впрочем, всей квартиры он и не видел. Только в официальных документах Август становился Августином. Значит, на службе знают, что хозяин – Августин, но зовут его, скорее всего, Августом. Августом Николаевичем. Августом Николаевичем Седиковым. Выходит, полный тезка клиента.

Тепло, Фризе, тепло.

А дальше потеплело еще больше. Стало даже горячо: клиент живет по адресу Козловский переулок, дом 7, квартира 51, а толстяк, владелец турагентства, – в Козицком. И тоже в доме 7, квартире 51. Не слабо? Козу с козлом, конечно, спутать трудно. И Козицкий переулок с Козловским тоже. Но когда все остальное совпадает тютелька в тютельку... В «Экспресс-доставке» люди работают, а не роботы. Могут и ошибиться.

Стоп, стоп, стоп! Тему этой чертовой доставки он уже закрыл! В первый день расследования позвонил главному менеджеру – у дамы был очень приятный, совсем молодой голосок – и выяснил, что доставкой денег пока там не занимаются. И тот, кто приносил пакеты, – самозванец.

По привычке сыщик принялся искать слабые места в только что выстроенной теории.

Ошибка с адресом. Во-первых, можно ошибиться однажды. Речь же не идет о затерявшейся открытке ко дню рождения! Пятьдесят тысяч баксов бесследно могут исчезнуть только в государственном бюджете. Там и миллиарды исчезали. О такой посылке должны знать обе стороны – и отправитель, и адресат. И деньги обычно передаются из рук в руки. А сам факт отправки большой суммы с курьером наводит на мысль о криминале. Для тех, кому нечего скрывать, существуют банковские счета.

Почему же в течение, как минимум, месяца не забили тревогу ни отправитель, ни адресат?

Во-вторых: почему этот чертов Августин, если он недосчитался трех солидных «порций» долларов, и бровью не повел, узнав о миссии Фризе? Еще одно очко в пользу того, что деньги криминальные.

В-третьих: почему замаялся, когда стал рассказывать о продаже своих акций энергетической компании? Не за эти ли акции ему посылали деньги? Но тогда здесь нет ничего криминального. А он потел и хватался за грудь, стараясь уйти от этой темы.

Почему?

«Потому! – рассердился Фризе. – И жуку ясно, почему. Еще один штришок в общую картину. Мог ведь покупатель расплачиваться за акции черным налом?»

Оставалось выяснить, что заставило Августина так легко отказаться от больших денег.

«Не поверил мне? – рассуждал сыщик. – Напугался провокации. Мой визит, конечно, навел его на мысль о тезке, которому достались денежки. Разыскать его – дело техники. И посредники не нужны. Разные там частные детективы. Пожалуй, надо срочно предупредить

клиента. А то пошлют к нему „выбивал“. – Владимир с удовольствием потянулся в предвкушении того, что наконец-то уснет. Подумал: – Да, дело идет к концу. Простенькое в конце концов оказалось расследование».

Знал бы Владимир Петрович, куда заведет его это «простенькое» расследование!

Заснул Фризе с мыслью о том, что сегодня же вечером позвонит клиенту домой. Или даже зайдет к нему. Кстати, может быть, и его дочка Маргарита приехала с дачи?

Проснулся он, когда за окном стемнело, проснулся от настойчивого телефонного звонка. В темноте Владимир уронил трубку, а когда поднял, в ней уже слышались короткие гудки. Он зажег торшер, стоявший в изголовье дивана, и положил трубку на место. И тут же телефон зажуржал снова.

– Слушаю, – сказал он хриловатым после сна голосом.

В трубке долго ничего не было слышно, потом детский голос сказал:

– Але.

– Але, – постарался придать своему голосу ласковые нотки сыщик.

Звонивший – маленькая девочка, а может быть, мальчик – вздохнул и положил трубку.

Почему-то после этого звонка у него испортилось настроение. Стало муторно, как с большого похмелья. Но он не так уж и перебрал. И голова больше не кружилась. И после виски у него никогда не было похмелья по определению. Напротив – Владимир даже испытывал длительный прилив бодрости. Чего же он так растревожился?

«Этот чертов Августин! – подумал Владимир с раздражением. – Почему было не сказать: „Да, мне должны были прислать деньги, но еще не прислали. Почему-то задерживают. Подожду еще дня два-три и буду выяснять, что там у них стряслось“.

Узнав от меня, что стряслось, предъявил бы доказательства, что деньги предназначались ему. Клиента доказательства удовлетворили. Август Николаевич вернул бы Августину Николаевичу баксы, а сыщик Фризе получил причитающийся ему гонорар. Полное благолепие.

Клиенту было бы жаль возвращать деньги? Конечно, жаль. Как это он говорил? „Берешь чужие, а отдаешь-то свои“. Но ради того, чтобы отдать, он меня и нанял! Вернет и спать будет спокойно».

Еще пару часов назад Фризе посчитал дело простеньким. Но проснулся совсем с другим настроением. Изменилось настроение – изменилось отношение к делу. Ему уже не казалось, что все разрешится так просто. А ведь факты оставались теми же самыми. Факты не изменились.

Он вспомнил, что собирался предупредить своего клиента о встрече с Августином. Владельца «Кофейного клуба» следовало подготовить к мысли о том, что предстоит расставание с «манной небесной».

Но отправляться к клиенту домой было уже поздно, а звонить Фризе не хотел. Опыт следственной работы отбил у него привычку доверять телефону.

Джентльмены говорят намеками

Больше всего он нуждался сейчас в общении. В дружеском разговоре без опасения быть непонятым. Телефон Женьки Рамодина, деловое сотрудничество с которым постепенно переросло в дружбу, не отвечал. Берта, бывшая любовница, с которой они несколько лет прожили единой семьей, давно перекочевала в Швейцарию. Фризе считал годы, проведенные вместе с Бертой, самыми счастливыми.

Почему они не родили ребенка? Ребенка с таким же нежным голосом, как у только что сказавшего «Але» в телефонную трубку. Неважно, мальчик это был бы или девочка.

Время от времени Фризе получал от Берты приглашения и отправлялся погостить у нее недели на две, на месяц. И опять вставал вопрос о женитьбе – за эти несколько лет они не утратили интереса друг к другу. И нежное чувство. Но камнем преткновения всегда оставался вопрос, где жить. Владимир ни за какие коврижки не собирался покидать Россию, а Берта не желала возвращаться.

Оставалась еще новая приятельница Дюймовочка, следователь прокуратуры. С ней Фризе всегда было хорошо и уютно. И журналистке Свете он, несмотря на ее профессию, мог доверить любые секреты и поплакаться на одиночество. Правда, это заканчивалось всегда одинаково. Светка предлагала: «Выход один – жениться на мне».

Фризе позвонил Дюймовочке и по голосу почувствовал, как она рада звонку. Но на предложение приехать Дюймовочка с сожалением ответила:

– Не могу. У меня трали-вали. – На ее сленге, оставшемся от деревенского детства, это означало: «У меня месячные». Следовательша никогда не старалась приукрашивать действительность. Грубоватая прямота была одним из ее достоинств. Или недостатков? Фризе никак не мог решить, чем именно.

Были у Дюймовочки и другие достоинства. Скрытые. Но о них знал – пока – только Фризе.

Мысль о том, чтобы встретиться и просто поболтать, выпить вина, послушать так любимый обоими джаз, Дюймовочке и в голову не приходила. Владимир предпочел списать ее отказ на сильное недомогание. Бывает же.

Подходящего претендента, на которого можно было бы «нагрузить» часть своих проблем, не нашлось.

И в это время зазвонил мобильный телефон. Его номер знали всего несколько человек. Наиболее близких. Фризе подумал, что звонит Дюймовочка. Обрадовался: «Победила дружба». Но услышал голос Августина Николаевича.

– Владимир Петрович, я вас не разбудил? Простите, что так поздно.

– Не разбудили, – сердито ответил Фризе. Ему было обидно, что он ошибся и вместо скороговорки приятельницы услышал вальяжный басок. И еще он вспомнил о том, что номер мобильного Седикова не давал. Не было его и на визитке. Выходило, что и Августин Николаевич обладал базой данных МТС. Вполне возможно, что покупал ее там же, где и Фризе.

– Я решил позвонить по мобильнику, – продолжал Седиков. – Так, мне кажется, надежнее.

– Ну-ну, – пробормотал сыщик.

– Вам так не кажется?

– Я вас слушаю.

– Понял. Буду краток. Вы, конечно, обо всем догадались. – Он не спрашивал, он констатировал. – Я навел справки. Вас, оказывается, хорошо знают даже некоторые олигархи.

– Сэр... – Фризе не хотел называть ни имя, ни фамилию собеседника и произнес первое пришедшее в голову обращение. – Сэр, предлагаю продолжить разговор при личной встрече.

– Сегодня?

– Решение за вами. Можем встретиться и через месяц.

Августин Николаевич хихикнул. Месяц явно его не устраивал.

– Приезжайте ко мне сейчас.

– Завтра утром. В девять. На смотровой площадке перед университетом. Знаете?

– Вы же сказали – решение за мной. А теперь идете на попятный.

– Не могу я сегодня. Не могу! У вас небось еще и лужа не просохла? – Что-то не понравилось сыщику в предложении организатора неспешных передвижений по Европе. Может быть, внезапная спешка? Хотя он и понимал: ковать железо надо, пока горячо.

– Понял, – с ехидцей произнес Седиков. Наверное, подумал, что его собеседник тоже «не просох», как и лужа в переулке. – Завтра так завтра. Прощайте.

– Привет.

Смотровая площадка на Ленинских горах была любимым местом встреч Владимира со своими клиентами. Там такой простор, столько возможностей выбрать укромный уголок для разговора и не опасаться, что тебя подслушают. А назначил он встречу на завтра потому, что хотел получить инструкции от Августа Николаевича.

Трубку взяла Маргарита.

– Маргарита Августовна, я вас не разбудил? – так же, как пять минут назад Августин Николаевич, поинтересовался Фризе.

– Нет. А кто это? – спросила дочь клиента и тут же возвестила радостным голосом: – Сыщик! Здравые, Фризе, частный детектив!

– У вас прекрасный слух. Мы ни разу не разговаривали с вами по телефону.

– Вы-то мой голос узнали. А папа не спит. Мы оба совы. Хотите с ним поговорить?

– Очень.

Несмотря на поздний час – стрелки приближались к двенадцати, – Седиков сразу согласился встретиться. А у Фризе не было возражений против того, чтобы эта встреча состоялась на квартире клиента. И сегодня. Обстоятельства диктовали.

Владимир уже вышел в прихожую, когда снова раздался звонок. На мобильник. Дюймовочка все-таки решила приехать.

– Только учтите, – сказала она почему-то очень строго, – у меня же...

– Учту! Молодчина, – теплея, отозвался Владимир. – Когда тебя ждать?

– Завтра после работы заскочу в общежитие и приеду. Подходит?

– Хорошо бы сегодня.

– Вла-ди-мир Петрович! Сегодня я не готова. Ночь на дворе. А завтра я постараюсь пораньше.

– Как скажешь. Я отлучусь на пару часов по делу. Квартиру на охрану ставить не буду.

Ключи от квартиры Фризе вручил Дюймовочке еще год назад. Следовательно, училась в заочной аспирантуре, а готовить диссертацию в общежитии, где она жила, не было никакой возможности. К тому же у Владимира имелась огромная библиотека по юриспруденции. Когда Дюймовочка занималась в его квартире, Фризе чувствовал себя почти семейным человеком: она успевала готовить обеды, убирать огромную квартиру. И у них еще оставалось время на более приятные вещи. К тому же девушка была чрезвычайно шепетильна: никогда не приезжала без предварительной договоренности, не брала без разрешения даже шампунь в ванной. И не имела привычки залезать к нему в письменный стол.

Но с такой же радостью, как при «вселении» Дюймовочки в квартиру, он провожал ее назад в общежитие недели через две. Трех не выдерживал. Начиная откровенно тяготиться ее присутствием.

Соглашение

Пока Фризе рассказывал клиенту о том, как разыскал Седикова-второго, Август Николаевич не проронил ни слова. И только после того, как Владимир закончил, произнес:

– Как, оказывается, все просто! – Но тут же спохватился: – Молодец, Владимир Петрович! Ловко вышли на след.

Сыщику почудилась наигранность в словах Седикова. «И почему люди не понимают – неискренность скрыть невозможно. Как на лице следы недавней попойки. – Он окинул быстрым взглядом комнату. Но зеркала не обнаружил. Подумал: – Надеюсь, у меня-то вид не слишком помятый?»

– Вы не переживайте, Август Николаевич. Ваш тезка еще не дозрел до чистосердечного признания, но сдвиги налицо. Во время нашей встречи и намек не сделал на то, что ожидал, но не получил какую-то ценную посылку. От всего отказывался. Но позже перезвонил и дал понять, что я на правильном пути.

В глазах Седикова блеснула искорка живого интереса:

– И как мы теперь поступим? Если он отказался, а вы уверены... – Слова тезки о том, что Фризе «на правильном пути», Август Николаевич проигнорировал.

– Ни в чем я пока не уверен. Он предложил встретиться еще раз. Надеюсь, на этой встрече все и разъяснится. Наверное, решил пойти в полную признанку.

– Странный господин, – недовольно произнес клиент. – Почему не сказать без обиняков, что деньги предназначались ему?

– По той же причине, по которой вы не заявили об их получении в прокуратуру.

Седиков строго посмотрел на сыщика. Но от комментариев воздержался. Спросил:

– Коньяк? Вино?

– Хорошо бы чайку. – Фризе не имел ни малейшего желания вновь «заниматься алкоголизмом», как выражался один его знакомый – питерский писатель Семенов-Спаский. Да и ездить поздно вечером по Москве подшофе опасно. Пронесло один раз, во второй раз можно нарваться на неприятности.

Август Николаевич удалился на кухню готовить чай, и Фризе удивился, почему хозяин не призовет для такого важного дела дочку. Не хочет устраивать чай втроем? Предпочитает обсуждать щекотливые вопросы без Маргариты?

Чай, который Седиков принес на большом серебряном подносе, благоухал неземными ароматами. Владимир сумел распознать только один – жасминовый. Пара фруктовых корзиночек – тоже на серебряном блюде – выглядела очень аппетитно. «Пирожные небось из „Кофейного клуба“, – с завистью подумал сыщик. – Надо будет Дюймовочку сводить в это кофейное заведение».

– Меня смущает одно обстоятельство, – сказал задумчиво Седиков. – У этого человека, у туроператора, имеются неоспоримые доказательства того, что деньги предназначались ему?

Фризе усмехнулся. «Все-таки бизнесмены особые люди. Мозги у них состоят не из нейронов, а из байтов и килобайтов. И словарный запас называется тезаурусом».

– Вы меня невнимательно слушали. Ваш тезка еще не признал, что деньги предназначались ему. Давайте не будем спешить. Завтра я с ним встречусь на Ленинских горах...

– На Воробьевых, – поправил Август. Как будто от того, как назовешь эти горы, зависели результаты встречи.

– Встречусь и все выясню. Думаю, что он для того и назначил randevu, чтобы признаться: баксы предназначались ему.

– Он обязан это подтвердить документально. – Седиков никак не хотел принять шуточный тон Владимира.

- Представить номера банкнот?
- Есть и другие способы доказать, что деньги посылались ему.
- Наверное, есть.
- Этот человек внушает доверие?

Фризе слегка поднял брови.

- Скрытничаете?
- Скрытничаю. Ни ему, ни вам не выложил подробностей о противной стороне.

– Я не противная сторона! Я вас нанял для того, чтобы разобраться... Чтобы узнать... Чтобы выяснить, кому, в конце концов, предназначались деньги. И кто их посылал.

Фризе разозлился. Ему никогда не нравилось напоминание о том, что его «наняли». Он понимал, что так и есть в действительности, но от фразы «Я вас нанял» его коробило.

А еще его все больше и больше раздражала увертливость клиента. Когда сыщик брался за дело, речь шла только о том, чтобы разыскать человека, которому предназначались деньги. Об этом было записано в соглашении! И он соглашение выполнил.

- Вы решили оставить доллары себе?

Седиков поперхнулся чаем.

- С чего вы взяли?
- В нашем соглашении оговорена моя задача: отыскать настоящего адресата. Так?
- Наверное, так, – не очень уверенно произнес клиент.

– У вас не появилось желание расторгнуть соглашение? Тихо, тихо! – Фризе сделал успокаивающий жест рукой, почувствовав, что Седиков готов взорваться. – Мне следует знать перед встречей с Седиковым – с Седиковым-вторым, – какие аргументы могут показаться вам убедительными, чтобы «закрыть тему».

- Чтобы вернуть ему деньги?

– Чтобы вернуть деньги.

– Я уже говорил: документальное подтверждение. Ави́зо, строчка в ведомости, бланк перевода.

- Шутите?

– С какой стати я буду шутить, когда на кону такие суммы?

– О каких авизо и бланках может идти речь, если деньги передавали таким необычным способом? Честного слова вам будет недостаточно?

– Нет. В крайнем случае пусть познакомит меня с курьером. С курьершей... Дочка ее видела.

- Вы же говорили, что встреча с отправителем снимет все вопросы.

– Сейчас я подумал... – Август Николаевич замялся. – Я решил, что этого мало. Сами посудите: отправитель может оказаться подставным лицом! И почему вы косите в другую сторону? Вас не перекупили?

– Я всего лишь хочу выяснить ваши условия, чтобы завтра предъявить их вашему тезке. – Фризе устал от препирательств и даже не стал отвечать на выпад о перекупке. – Кстати, я не исключаю, что этот человек не откроется до конца. Во время телефонного разговора дальше намеков он не пошел.

– Его дело, – мрачно констатировал Седиков. – Значит, не очень-то хочет заполучить денежки. Может быть, мне подъехать на Воробьевы горы, взглянуть на тезку?

- Потерпите. Я думаю, что вы очень скоро с ним встретитесь.

– Два Августа и вы?

– Я-то зачем? Два Августа и Апельсиновая.

– Апельсиновая? А-а-а... Курьерша?

– Да. Вы же выразили желание с ней встретиться? У девушки золотистые волосы. И одета она была в костюмчик апельсинового цвета.

– Между прочим, первый конверт принес мальчик, – напомнил Седиков. – Вы не забыли? – Он секунду подумал и добавил: – Пли девочка. Голосок был детский.

– Хотите, чтобы я представил вам и его? Или ее?

– Я не настаиваю.

– А третий пакет принесла ваша дочь.

– Ну да, ну да. Мальчика могли попросить, так же как и Маргариту. Господь с ним. Но без девицы и отправителя не обойтись.

– Не зарекайтесь. А вдруг при личной встрече получатель баксов предъявит милые вам авизо или еще какие-нибудь доказательные бумаженции? Только не подеритесь при встрече.

– Вы все так выворачиваете, Владимир Петрович, как будто подозреваете меня в жадности, – с обидой, очень тихо пробормотал Седиков. – Пропади они пропадом, эти баксы. Главное – чтобы на душе камень не лежал.

– Вот за это я еще выпью вашего замечательного чая. – Фризе наполнил чашку, демонстративно поднял ее, как бокал с шампанским, и выпил залпом.

– Чай «Герцог Бекингем», – с гордостью сказал Август Николаевич. – Может, еще заварить?

– Спасибо, нет.

Стоп-топ

Владелец фирмы «Тише едешь – больше увидишь» на встречу не явился.

Фризе, невыспавшийся, разбитый, ходил вдоль столов, заставленных матрешками, палехскими шкатулками и хохломой, заваленных буденовками, фуражками всех родов войск и меховыми шапками. Потенциальные покупатели еще пили в своих гостиницах кофе и ели пережаренную яичницу. Можно было расслабиться, и торговцы русским «специалитетом» играли в нарды и пробавлялись пивком. Две молоденькие девушки – лет по шестнадцать-семнадцать – в ожидании любителей верховой езды охорашивали жеребца и мохнатого пони: расчесывали их гривы, заплетали косички.

Было безветренно, и над Москвой висел плотный смог, в котором терялись макушки высоток и купола храмов.

Прошло уже полчаса с назначенного срока встречи, а Августин не появился. Владимир не упустил из виду ни одного прибывающего на смотровую площадку мужчины. Ни пешего, ни приехавшего в автомобиле. Да и машин в этот час было негусто. С десятков, не больше. И, судя по затрапезному виду, они принадлежали продавцам.

Но одного знакомого Фризе все-таки обнаружил в новеньком зеленом «фольксвагене», припаркованном на стоянке с противоположной стороны улицы Косыгина. Клиент наплевал на запрет и прибыл лично проконтролировать встречу. «Дурак дураком! – мысленно обругал Седикова Фризе. – Явился не запылится! Да еще на зеленой тачке! Лучше уж прикатил бы на своей старой синей „шестерке“». Сыщик всегда испытывал неприязнь к зеленым и черным автомобилям.

Долгое ожидание, недосып и припершийся за каким-то хреном клиент вывели его из себя. Владимир чуть было не погрозил Августу Николаевичу кулаком. Но вовремя спохватился. Августин мог в любую минуту нагряться и спросить, кому это Фризе адресовал такое красноречивое послание.

Домашний телефон организатора неспешных путешествий молчал. Мобильный тоже не отзывался. Даже не удостоил информации о том, что абонент временно находится вне зоны действия связи.

«Странно, – подумал сыщик. – Если он решил со мной не встречаться, совсем не обязательно игнорировать телефонные звонки. В конце концов, у него больше оснований для встречи. Сам же предложил! Правда, хотел провести ее немедленно, у себя дома. Но если собирался уехать на дачу или в командировку, сказал бы мне об этом. Как выразился мой клиент, „на кону такие денежки“. А они, как известно, на улице не валяются».

Без пятнадцати десять томящийся от неизвестности Август Николаевич выбрался из автомобиля, демонстративно громко захлопнул дверцу, включил охранную сигнализацию и, взглянув в сторону Фризе, медленно двинулся по одной из аллей университетского парка. Владимир еще раз набрал оба номера Августина. С тем же успехом. И лишь тогда двинулся на встречу с клиентом.

Седиков поджидал его на скамейке среди зарослей сирени.

– По-моему, с моим тезкой все ясно, – вместо приветствия сказал он Фризе. – Если бы баксы предназначались ему – прибежал как миленький.

– Здравствуйте, Август Николаевич. – Владимир проигнорировал реплику Седикова и сел рядом. – Вы зачем сюда приехали? У нас же был уговор...

– Мне любопытно было бы взглянуть на этого человека. Но он не пришел. Вот видите? Что был должен видеть Фризе, он не уточнил.

Владимир решил не задирается, хотя его так и подмывало наговорить клиенту грубостей. Вместо этого он вынул мобильный телефон и еще раз набрал номер Августина. Никакого отклика.

– Вот видите, даже на звонки не отвечает, – проворчал владелец «Кофейного клуба».

– Не отвечает.

– На службу тоже пытались?

– Служебный он мне не дал.

– Выясните через справочное бюро. Знаете точное название фирмы?

Фризе не ответил. Набрал номер горсправки. Назвал оператору фирму «Тише едешь – больше увидишь». Он не верил в успех и начал сомневаться в существовании такой турфирмы. Краем глаза заметил, как развеселился клиент, услышав столь неординарное название:

– Надо же! Явная липа! И вы, опытный детектив, поверили? Таких фирм не может быть изначально. Бред! Бред!

Но оператор справочного через полминуты продиктовала Фризе два номера, и, он, цыкнув на клиента, чтобы тот не мешал, занес номера в память мобильного.

– Что? Фирма существует? – Посрамленный Седиков все еще петушился. – С таким дурацким названием?

– Не более дурацким, чем это. – Сыщик со злостью показал ему на пивной павильон, на котором было написано крупными буквами: «СТОП-ТОП».

Первый номер, который набрал Владимир, не отвечал. Он набрал второй. Долго вслушивался в длинные гудки, опасаясь, что и этот номер не ответит. Наконец откликнулся приятный мужской баритон:

– Слушаю вас.

– Я могу переговорить с Августом Николаевичем Седиковым? – Фризе знал, что для сотрудников фирмы директор – Август, а не Августин.

– Его здесь нет.

– Он еще не приезжай на службу?

– Служба ликвидирована, – с ехидцей доложил баритон.

– Фирма «Тише едешь – больше увидишь»?

– Да-да. Она ликвидирована.

– И давно?

– Недавно! – Мужчине надоело отвечать на вопросы, и он положил трубку.

– Разве такое бывает? – задумчиво пробормотал Фризе с удивлением. И посмотрел на клиента.

– Что бывает?

– Вчера, когда я беседовал с вашим тезкой, он был владельцем фирмы. По крайней мере так говорил. И в домоуправлении знали об этом. Разве можно большую фирму ликвидировать за одно утро?

– Ну вот! Интуиция меня не подвела! – обрадовался Август. – Он самозванец. Хотел приграбчить бабки.

– Да бросьте вы паясничать! Я вас спросил – можно ликвидировать фирму в течение нескольких часов? Вы же бизнесмен, акула капитализма! Должны знать. – А сам с неприязнью подумал: «Надо же! И у этого барбоса интуиция!» Его всегда задевало за живое, если кто-то говорил при нем о своей интуиции. Фризе чувствовал себя уязвленным.

– Можно, – буркнул клиент, обидевшийся на выпад Владимира. – Никогда не читали в газетах объявление: «Ликвидация и создание фирм в течение часа»?

– Это реклама.

– Это сушая правда!

– Да-а... – протянул Владимир, не в силах скрыть разочарования. – Эта фирма тихо возит, но быстро ликвидируется.

Он стремительно поднялся со скамейки и сказал:

– Все! Разбежались.

Фризе вовсе не был настроен продолжать препирательства с клиентом, отвечать на его ехидные вопросы. Ему хотелось уединиться и оценить новые обстоятельства.

– Вечером я позвоню. Когда будет полная ясность.

– А мне и сейчас все ясно, – воинственно заявил Август Николаевич. И отправился к своему ядовито-зеленому «фольксвагену».

Наверное, разговор с сыщиком вывел Седикова из равновесия. Выезжая со стоянки на дорогу, он чуть не столкнулся с длиннющим белым лимузином, разукрашенным цветами, – первый в это утро свадебный кортеж рулил на смотровую площадку, любимое место новобрачных.

Лимузин чудом уклонился от столкновения и величественно, даже не снизойдя до сигнала клаксоном, пронесся мимо зеленого «фольксвагена». Зато все машины из каравана сопровождения, на номерах которых было написано: «братки жениха», притормаживали и отчаянно гудели. Их пассажиры грозили владельцу «Кофейного клуба» кулаками. Кто-то даже запустил в авто Седикова бутылкой из-под шампанского. Но она не достигла цели.

«Эх, Август Николаевич! – усмехнулся Фризе, наблюдая эту картину. – Предупреждала тебя дочка: слушай Владимира Петровича, а то споткнешься о какую-нибудь кашку. Не послушал. Приперся подглядывать. С таким клиентом и я могу споткнуться... о ту же самую кашку! Или вляпаться во что-нибудь похуже. Надо мне с Августом расставаться, пока не поздно. Условия договора я выполнил? Выполнил. Нашел того, кому предназначались денежки? Нашел. – Тут сыщик поморщился, вспомнив про ликвидацию фирмы. – Ну и что? Ликвидировали-то фирму, а не ее владельца. А искать авизо и прочие денежные бумажки – не моя печаль. Не верит мне – пусть сам ищет, на здоровье. Ему, видите ли, показалось, что все очень просто. Ладно, дам ему адрес Августина. Сядут рядком да поговорят ладком. Зачем им посредник?»

Владимир еще раз прошелся по смотровой площадке. Иностранцы уже толпились возле торговцев матрешками. Молодожены, которых чуть не протаранил Седиков, пили в окружении «братков жениха» шампанское. Невеста показалась Владимиру вульгарной. И была на голову выше жениха, прыщавого мальчика в больших очках.

«Столкнись клиент с „женильной“ машиной, – подумал сыщик, – может быть, и свадьба не состоялась? Уберег бы Седиков паренька от такой акулы».

И еще он подумал о том, что Августин мог начать ликвидацию своей фирмы задолго до его визита. А то, что об этом не знала «вредоносная» Мануша, ничего не значит. Он же не обязан докладывать ей про свои служебные проблемы. И перед Фризе Августин не посчитал нужным о них распространяться. Когда приходит сыщик, чтобы сунуть нос в твои дела, на откровенность не потянет.

Все эти рассуждения выглядели логичными, оправданными, но червячок сомнения не давал Владимиру покоя.

Ликвидация

Фризе потратил около часа на то, чтобы узнать через городское справочное бюро адрес ЗАО «Тише едешь – больше увидишь». Операторы сообщали номер телефона, а на вопрос о местонахождении офиса дружно отвечали: «Адрес не зарегистрирован». Только старшая смены, к которой ему чудом удалось пробиться, поддалась уговорам.

– Нарушаю правила, – сказала она. – Но вы такой убедительный, что и папу римского уговорите.

Почему женщина считала папу римского самым несговорчивым, осталось для сыщика загадкой.

Весь первый этаж девятиэтажного жилого дома послевоенной постройки – в народе их называют сталинскими – занимали офисы и магазин со странным названием «Неэкслюзив». А вывески турфирмы Фризе не обнаружил. Зато в одной из витрин с затененными стеклами два рабочих-черноголовика под руководством тощей девицы в синей униформе меняли декорации. Здесь открывали суши-бар.

Фризе нажал кнопку звонка рядом с массивной стальной дверью. Через минуту-полторы из хорошо замаскированного динамика мужской голос вежливо спросил:

– Что вам угодно?

– Я хотел бы увидеть Августа Седикова. – Так как Владимир нигде не увидел микрофона, в который следовало говорить, он не стал дергаться, искать его. Ответил, обращаясь к двери.

Тем не менее его услышали:

– Здесь не работает.

– И дома его нет, – поделился Фризе информацией с невидимым собеседником.

– На трубу не пробовали звонить? – спросил голос из динамика.

Фризе не успел ответить, как в динамике заклокотало, забулькало, и уже другой голос, красивый баритон, поинтересовался:

– Белая бээмвэшка ваша?

– Моя.

– Хорошая тачка. Заходите. Не объясняться же нам через дверь.

Уже не впервые Владимир убеждался в том, что в наше время человека встречают не по одежке, а по автомобилю. А провожают по часам. В общем-то, он и рассчитывал на это, когда покупал белую «красотку». Частный сыщик, раскатывающий на дорогой машине, по определению не может быть неудачником.

В будущем суши-баре не знали, что он частный сыщик. Но уважали хорошие автомобили.

Охранник, дежуривший в вестибюле, тощий парень с рассеянным, как у наркомана, взглядом, провел Фризе через огромную комнату – в ней не было никакой мебели, даже стула. Только на одной из стен висел яркий плакат: загорелые юноша и девушка стояли обнявшись возле автобуса с надписью «Тише едешь – больше увидишь». Охранник мимоходом сорвал плакат и бросил на пол. Потом постучал в обитую оливкового цвета кожей дверь и, не дожидаясь разрешения, открыл:

– К вам пришелец.

Из-за стола, который никак нельзя было бы назвать письменным, скорее уж обеденным или столом для пинг-понга, поднялся молодой, лет тридцати пяти, мужчина. Загорелый, в темных очках и с бритой головой. Рукава его белоснежной рубашки были закатаны до локтя.

«Ну просто один из персонажей поднадоевшего криминального сериала», – подумал сыщик.

«Персонаж» протянул Фризе руку и радушно представился:

– Борис.

– Владимир. – Такое свойское обращение избавляло сыщика от необходимости называть свою фамилию. Вдруг бритоголовому когда-нибудь попалось на глаза объявление в газете: «Частный детектив Фризе предлагает услуги».

– Присаживайтесь. – Хозяин показал на обтянутое синим пластиком кресло с железными ножками. Такие в былые времена стояли в заводских клубах. И посчитал нужным объяснить: – Новую мебель привезут только к вечеру. А старую мы уступили за бесценок моему знакомому фирмачу.

– Вполне удобное кресло, – сказал Фризе. – Да и расслаживаться некогда.

– Вас мой охранник не обидел?

– Тем, что назвал пришельцем? Так я и есть пришелец.

– Он парень хороший, но со странностями. Бывший каратист. По-моему, обо что-то ударился головой. Иногда такое скажет... – Борис улыбнулся. – Черненко ко мне заходит, он объявляет: «К вам выходец с Кавказа». Кстати, а если женщина? Выходка?

– А черт ее знает!

– Давно брали? – Борис взглянул в окно. Фризе понял, что он имеет в виду его автомобиль.

– Год назад.

– Пятая серия?

– Да. Но без автоматики.

– Вот правильно! – обрадовался Борис. – С автоматической коробкой скоростей можно так залипнуть. У меня «ауди» с автоматом, так, поверите, трижды вызывал «ангелов». Один раз с полпути на Вологду. Немалые деньги, однако. – И без перехода спросил: – Август зачем понадобился? Уж не задолжал ли?

У хозяина суши-бара было удлиненное интеллигентное лицо, а за свойским тоном угадывалось лишь желание казаться общительным и контактным. И никакой пошлости. Зачем же он напялил на себя этот киношный, в самом уничижительном смысле этого понятия, образ? Чтобы казаться модным? Фризе вспомнил слова известного поэта, написанные в шестидесятых годах: «цвет общества божественно зарос...» Ныне цвет общества «божественно» обрит.

– Совсем наоборот, – с оттенком печали ответил Фризе. – Я ему должен. И немалую сумму.

– Тю... И вы беспокоитесь, как бы «тихоход» не слинял, оставив за вами должок? Так не бывает. – Борис хитро посмотрел на Владимира и добавил: – Если только должок не опасен для его здоровья.

– За здоровье Августу Николаевичу опасаться нечего. Я и правда собирался сегодня отдать ему долг. Вчера встретились, договорились обо всем. Он и словом не обмолвился, что ликвидирует дело.

Фризе секунду помолчал, надеясь, что собеседник приоткроет завесу над скоропалительной ликвидацией фирмы «тихохода». Это словечко сыщику понравилось – короткое и ясное определение того, чем занималась фирма Седикова-второго. Но Борис молчал, ждал, что расколется гость.

– Банкротство? – спросил Фризе.

– Не знаю.

– Если это так, денег, которые я собирался ему сегодня отдать, хватило бы на то, чтобы залатать любые прорехи.

– У-у-у! – восхищенно отозвался Борис.

– Ликвидировать фирму – нелегкое дело? Особенно за одну ночь. Автобусы, проданные путевки, договора с иностранными фирмами... Как вы считаете?

– А что автобусы? Август их арендовал. Если есть деньги заплатить неустойки, ликвидировать фирму – раз плюнуть. Туристов он, скорее всего, продал в другие фирмы. Помещение – мне.

– Как он вас так быстро нашел?

– Ему и искать не надо было. У меня рядом, стенка в стенку, – «Салон красоты». Видели?

– Угу.

– Я давно к Августу подкатывался – продай помещение. Удобно – пришла богатая телка в салон, а там очередь. Вместо того, чтобы уехать, она в суши-бар – сырой рыбки покушать. Август вчера в восемь вечера на меня вышел, спросил, не раздумал ли я покупать. Конечно, не раздумал. Утром помчался в банк, перевел ему, что запросил. Без базара.

Борис с особым удовольствием произносил жаргонные словечки, от которых настоящие бандиты постепенно избавлялись.

– А вы к нему домой бы заехали. – У него была привычка стремительно менять направление разговора.

– Заезжал. Дома никого, – соврал Фризе.

– В Козицкий?

– В Козицкий. На третий этаж.

– Телефон не отвечает?

– Не отвечает.

– На трубу пробовали?

– Звонил и по мобильнику. Глухо. Даже гудков нет.

– Похоже, отключил.

– Он не собирался к вам заехать? Позвонить?

– А зачем? Мы все утрясли. Ажур.

– А где работает его жена?

Борис только руками развел.

– Дома ее нет.

– А была?

Теперь Владимир развел руками. Он слышал о жене Августина только от всезнающей Мануши.

– Ну, значит, сели супруги на один из своих автобусов и тихохонько в Европу подались. Чтобы больше увидеть. – Борис весело рассмеялся своей шутке.

Фризе поднялся. Протянул хозяину руку:

– Спасибо за гостеприимство.

– Да какое гостеприимство? – огорченно сказал хозяин. – Сейчас даже кофе не на чем сварить. Через неделю приезжайте, откроем точку, гостем будете. Слово?

– Обещаю.

Владелец «Салона красоты», совмещенного теперь с суши-баром, проводил Фризе до порога. Тощий охранник распахнул стальные двери и придержал их.

– Вы, Владимир, денежки не растранируйте. И в оборот не пускайте, – посоветовал Борис с улыбкой. Фризе готов был поклясться, что он еще и подмигнул заговорщицки. Но глаза были скрыты за темными очками. – А то, не ровен час, наш Зеленый Август вернется без копейки.

Выезжая со стоянки, сыщик никак не мог отделаться от мысли о том, что Борис догадался: его гость никакой не кредитор, а сыщик. Или налоговый. Почему бы тогда он «окрестил» Седикова «Зеленым Августом». От отца Владимир слышал, что «Зеленым Августом» в сороковые годы называли тюремный автомобиль. Автозак. Синоним «черного ворона».

Он развернулся на светофоре и покатил вдоль тенистого липового бульвара в сторону Бережковской набережной. Почему именно в том направлении, сыщик и сам не знал. Ему

требовалось время, чтобы оценить ситуацию. А в этот полуденный час на бульваре было не слишком много машин. Ехать спокойнее.

Что же кроется за простенькой историей о почтовой, по сути дела, ошибке? Деньги, посланные одному персонажу, попали к другому. И этот другой горит желанием вернуть их по назначению.

Почему же встревожился этот чертов Августин? Не просто встревожился, а запаниковал! Чтобы вот так скоропалительно, за одно утро, продать большую туристическую компанию, надо было всерьез испугаться. И эта продажа совпала по времени с приходом Фризе.

У сыщика появилось предчувствие, что он никогда не получит ответа на этот вопрос.

Уже вторично за короткий промежуток времени оказавшись в районе смотровой площадки, Владимир подумал: «Как леший в густом лесу кружит заблудившегося путника по одному и тому же месту, так и меня какая-то сила носит по Ленинским горам». Он вспомнил, как клиент на своем зеленом авто чуть не протаранил «женильный» лимузин. «Вот стервец! Ведь приперся сюда, чтобы проконтролировать меня. Пошпионить!»

Больше всего в отношениях со своими клиентами Фризе раздражало недоверие. Не жадность, не стремление недоплатить, сэкономить на оплате расходов, а недоверие. Он думал о поступке клиента и все распаялся и распаялся, припоминая неискренность Седикова, увертливость, разворотливость. Хорошенькое дело! Вложить чужие деньги в свой бизнес, а потом поручить сыщику найти их настоящего владельца!

Фризе трубит отбой

Когда Владимир соврал своему новому знакомому, будущему владельцу суши-бара Борису, что Седикова дома не застал, он, как оказалось, не погрешил против истины. Приехав в Козицкий переулок, Фризе настойчиво жал на кнопку звонка, стучал каблуком в массивную железную дверь – никто не отзывался. С улицы шесть окон квартиры организатора автобусных путешествий – теперь уже бывшего – выглядели вполне мирно. Бежевые, похожие на рыболовные сети занавески в гостиной, тяжелые малиновые шторы в кабинете ни разу не шелохнулись. Казалось, придет вечер, и в окнах загорится свет. Но теперь Владимир в этом сильно сомневался.

– Опять вы? – Тощая Мануша сидела за столом и напряженно вглядывалась в монитор компьютера. То ли распечатывала по жировкам очередное повышение цен на бытовые услуги, то ли сражалась с хоббитами. Фризе не успел разглядеть, так как при его появлении чернавка компьютер выключила.

– Предательница, – ласково сказал сыщик.

Женщина усмехнулась. Словно хотела сказать: «Да, я такая!» Но тем не менее показала на стул.

– Чем это вы так напугали нашего Августа Николаевича?

– Напугал?

– А то нет? После вашего набега он уехал.

– Далеко ли?

– По-моему, далеко. И надолго. Но мне сказал: на полгода. В девять я пришла на работу, а он сам грузит пакеты, компьютер, еще какие-то вещички.

– В автобус?

– Еще чего! В лимузин свой распрекрасный. Помахал ручкой и уехал. Первый раз видела, что он сам за рулем сидит.

– А жена? Дети?

– Пс-с... Какие дети? Он же бобыль. – Мануша с таким почтением произнесла слово «бобыль», что Фризе не удержался от улыбки.

– Бобыль – это одинокий мужчина. А вы сами мне говорили, что у Августа Николаевича жена – мегера.

– Я думала, «бобыль» – бездетный. А жена... Жена и правда мегера. Но отъехал он один.

«Чем-то сильно насолила супруга Августина Мануше, – подумал Владимир. – Костерит ее при каждом удобном случае».

– А квартплата? Уплачена за полгода?

– Еще спросите про уборку мусора! За все, за что следует, Август Николаевич заплатил вперед. Понятно?

– Понятно.

Несмотря на поспешный отъезд Седикова, женщина говорила о нем с придыханием.

В Козицком переулке, напоминающем узкий каньон где-нибудь в Скалистых горах, было прохладно. Пахло сыростью и горелой проводкой. Зато стояла тишина. Как будто и не струились по соседству автомобильные потоки по раскаленным Тверской и Петровке.

Фризе хотелось поскорее покинуть переулок, нырнуть в текучую толпу, подставить лицо солнцу. Но у него имелось еще одно неотложное дело, которое требовало тишины. Необходимо было позвонить клиенту.

Августа Николаевича он застал дома. Пока Фризе набирал номер телефона, его посетило странное видение. Он представил, что Седиков сидит за своим письменным столом и считает пухлые пачки долларов, от которых отказался – или не отказался? – его тезка.

– Что-то случилось? Есть новости? – спросил клиент. И голос у него звучал слегка хрипловато. Взволнованно.

– Ничего особенного. Я отказываюсь от дальнейшего расследования. Запишите адрес и номера телефонов своего тезки. И действуйте!

– Но я... Почему вы меня бросаете? Моя интуиция меня не подвела? Вас перекупили?

– О чем вы? С какой целью меня могли перекупить? Подумайте хорошенько.

– Мне рекомендовали вас как лучшего детектива. – Седиков осекся. При знакомстве он говорил, что отыскал телефон сыщика в газете.

Несколько секунд Август Николаевич молчал. Видимо, почувствовал по тону Владимира, что уговаривать его бесполезно, спросил:

– Что же мне делать?

– Пойти в прокуратуру или в отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

– Зачем? Никакими преступлениями в этом деле и не пахнет!

– Ваше дело. Доверьтесь своей интуиции, – съязвил Фризе. – Еще раз прошу прощения. Думаю, вы найдете верное решение.

– Володя... Владимир Петрович, но все это останется между нами?

– Если не возникнут обстоятельства, предусмотренные законом, когда молчание станет преступлением.

Этой фразы сыщик мог и не говорить. Ну о каком тут преступлении может идти речь? Даже гипотетически. В худшем случае мелкое жульничество. Но уж очень сердит был Владимир на своего, теперь уже бывшего клиента.

Фризе отключил телефон и быстро зашагал в сторону Тверской. С удовлетворением думал о том, что с сегодняшнего дня у него «на постое» Дюймовочка, что она, наверное, уже дома и готовит его любимые свиные котлеты на косточках.

Девичник

Галина Романовна Надеждина, следователь прокуратуры Центрального округа, которую Фризе ласково называл Дюймовочкой за ее малый рост и миниатюрное сложение, всегда радовалась его приглашениям. Сегодня на службе не было никаких срочных дел, и она смылась пораньше, потратив на сборы не более десяти минут. В ее модный кожаный рюкзачок – подарок Владимира – помещались лишь самые необходимые вещи: косметика, кой-какой женский «специалитет», коробочка ментоловых драже, прокурорские ксивы и табельное оружие – пистолет ИЖ-31. Более легкий, чем обычные милицейские «волыны».

Секунду поколебавшись, следовательша запихнула в рюкзачок учебник английского. Ей в скором времени предстоял экзамен по языку в аспирантуре. Смешно, конечно, ехать к любовнику с учебником, но у Дюймовочки была тайная надежда поселиться у Владимира на более долгий срок, чем на одну-две ночи.

Чтобы побыстрее добраться до квартиры Фризе – Галина помнила его слова о «вкусеньком», – она взяла такси. Такое случалось с ней редко. На следовательскую зарплату не разъездишься. Получилось так, что уже через сорок минут после ухода из прокуратуры Дюймовочка миновала арку добротного старинного дома и по привычке взглянула на знакомые окна шестого этажа. И удивилась. В кабинете Фризе горел свет.

«Чего же Владимир Петрович электричество днем жжет? Или погасить забыл с вечера?»

Она открыла кодовый замок и вошла в подъезд.

Лифт не работал, кабина застряла где-то на верхних этажах. Галина отправилась пешком и, дошагав до шестого этажа, даже не запыхалась. «Как молодая козочка, – похвалила она себя. – И не припотела».

И тут же почувствовала тревожный укол в груди: кабина лифта была остановлена на шестом этаже, напротив квартиры Фризе, а его старинная дверь с замысловатой решеткой приоткрыта. Дверь в квартиру Владимира Петровича тоже была не захлопнута. Как будто хозяин квартиры вызвал лифт, а когда кабина подъехала, вспомнил о чем-то, что забыл захватить из дома. Зонт, например. Но погода стояла сухая и жаркая.

Дюймовочке хорошо были известны приемы грабителей: ворваться в пустую квартиру, подхватить что попадется под руку, желательно подороже, и слинять на предусмотрительно приторможенном лифте. Поэтому она поднялась на один марш лестницы, сняла со спины свой модный рюкзачок и достала табельный ИЖ. Пистолет хоть и отличался небольшим размером, но маленькая ладонь Галины с трудом обхватывала рукоятку. Зато держала ее уверенно и не дрожала.

Она осторожно приоткрыла дверь и проскользнула в прихожую. Здесь было темно. Светилась только узкая щель под дверью кабинета. Дюймовочка на секунду замерла, подумав, не закрыть ли входную дверь, но побоялась, что щелчок замка может выдать ее присутствие. Галина положила рюкзак на пол, бесшумно сняла свои модные итальянские туфельки – тоже подарок Владимира Петровича на день рождения. Она очень гордилась подарком и надевала туфельки – тридцать третий размер – только в особых случаях. И всегда, если позволяла погода, когда навещала Фризе.

Она знала квартиру прекрасно. Каждый поворот, каждую дверь. Могла на ощупь в темноте найти ручку двери или выключатель. Знала, какая дверь может предательски скрипнуть, а какая открывается без единого щелчка и шороха.

Дверь в кабинет отворялась бесшумно, и когда Дюймовочка приоткрыла ее на треть – вполне достаточное расстояние, чтобы войти, – она увидела у письменного стола стройную золотоволосую красотку, которая внимательно перебирала бумаги в открытом ящике.

«Это не воровка, – подсказала Галине интуиция следователя-женщины. – В платьице за тысячу баксов не ходят на дело».

На платье гостьи и впрямь можно было заглядеться. Несколько лоскутков апельсинового цвета, скроенных портным-виртуозом, придавали рыжухе неповторимый шарм.

«А титьки-то, не ровен час, вывалятся на стол, – сварливо подумала Дюймовочка. Она почувствовала, что напряжение отпускает ее, на смену приходит разочарование и злость. – Это какая же из его любовниц пожаловала? Не Берта ли? Да нет, не она!» Фотографию баскетболистки Берты Фризе ей показывал. И фото немки из Интерпола.

– Так и будешь стоять столбиком? – неожиданно, не поднимая головы от бумаг, спросила красотка. – И оружие убери. Еще выстрелит.

– А вы бы шарить в чужом столе перестали! – не двигаясь с места и не опуская свой ИЖ, сказала Дюймовочка. – Дождались бы Владимира Петровича. А не то я вас за воровство арестую.

– Вот как?

Девушка подняла голову и посмотрела на Галину. Глаза у нее были большие, зеленые и такие пронзительные, что Надеждиной стало не по себе. Засосало под ложечкой.

– Наручники наденешь?

– Дождешься – надену, – пообещала Галина и опустила пистолет. – Вы что тут ищете? Разве можно без Владимира Петровича?

– Можно. – Девушка снова начала перебирать бумаги. Потом задвинула ящик и открыла следующий.

– Вас как зовут?

Златовласка не ответила. Даже не подняла головы.

– Я сейчас вызову патруль, – пообещала Галина. Но ее мобильник остался в прихожей, в рюкзачке. А телефон Фризе стоял на письменном столе, в котором хозяйничала гостья.

В этот самый момент телефон зазвонил. Вернее, зажурчал. Сыщик давно уже сделал сигнал таким, чтобы не вздрагивать при каждом неожиданном звонке.

– Снимите трубку, это Владимир Петрович! – потребовала Галина, но гостья даже не взглянула на аппарат.

– Тогда я сниму. – Дюймовочка решительно направилась к столу.

– Стой, настырная баба! – негромко приказала гостья и посмотрела на следовательшу завораживающими зелеными глазами.

«Ну и буркалы», – подумала Дюймовочка, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги. И, потеряв сознание, мягко осела на ковер.

Неожиданный поворот

Первое, что увидел Фризе, включив свет в прихожей, – маленький рюкзачок Дюймовочки. Рюкзачок был расстегнут, и из него, как из рога изобилия, высыпались на ковер всевозможные дамские причудалы: пудреница, крохотный несессер – наверное, со щипчиками и пилочками для ногтей, – пакетики с прокладками, флакончик пробных духов, записная книжка.

Впечатление было такое, словно рюкзачок уронили на пол, а потом поддали ногой. Вот все и высыпалось. А рядом с огромным, во всю стену, зеркалом стояли крохотные туфельки следовательши. Вернее, одна стояла, а другая лежала на боку: «Как перед танком присели голубки, милые туфельки в форме скорлупки».

Этот беспорядок так не согласовался с привычками аккуратной Галины, что Владимир насторожился. И даже не окликнул Дюймовочку, как поступал в тех случаях, когда она «гостила» в его квартире. Вместо этого он тоже разулся и неслышно прокрался к двери кабинета, единственной двери, из-под которой пробивалась полоска света. Он повторил все то, что совсем недавно проделала Дюймовочка: вынул из кобуры пистолет и бесшумно приоткрыл дверь.

В самом центре большого текинского ковра, неестественно подвернув под себя руку, лежала Галина.

На долю секунды отчаяние парализовало Фризе. Но в этот момент девушка застонала. Владимир даже подумал, что это у него самого вырвался непроизвольный стон. Он опустился на ковер рядом с Дюймовочкой и осторожно повернул ее на спину. Галина открыла глаза, и тут же ее веки опять закрылись.

– Володенька, – прошептала Дюймовочка.

Впервые она назвала его Володенькой. И вообще впервые – по имени. Как ни сердился Фризе, подруга постоянно величала его Владимиров Петровичем.

– Рука... Руку больно, – жалобно сказала Галина. И только сейчас Фризе заметил, что в правой руке девушки зажат пистолет.

«Неужели сломана?» – с тревогой подумал сыщик. Он хотел забрать пистолет, но ладонь не разжималась.

– Отдай, малышка, – сказал он ласково. – Отбой! – И стал потихоньку разжимать тонкие, маленькие пальцы.

– Больно! – Галина снова открыла глаза и спросила: – Владимир Петрович, вы? – Как будто увидела его впервые.

– Я, я. Пистолет отдай. Он у тебя на боевом взводе. Еще отстрелишь мне чего-нибудь нужное.

– Ой, мамочки! Руку не чувствую, – совсем по-детски пропела Галина. – Отекла, что ли?

Фризе наконец высвободил из ее цепких пальцев оружие, вытащил обойму, патрон из патронника и сунул в карман. По тому, как Дюймовочка несколько раз сжала и разжала кулак, он определил, что с рукой у нее все в порядке. Просто неудачно ее подвернула и отлежала. Он поднял девушку на руки и отнес на диван. Потом достал из бара коньяк, налил в рюмку и дал ей глотнуть.

Дюймовочка выпила залпом, сказала: «Ой!» и содрогнулась всем телом. Как будто получила удар током.

– А теперь рассказывай, – приказал Фризе и устроился рядом с диваном прямо на ковре.

– Ой! – опять воскликнула Дюймовочка и села. – Пресвятая Богородица, помилуй и защити.

– Давай вернемся на землю. Что случилось?

– Я приехала...

Галина вдруг замотала головой. Фризе ласково обнял ее и заставил снова лечь. Подложил ей под голову большую подушку.

– Ты приехала...

– Да. Лифт не работал. Стоял на вашем этаже. И дверь в квартиру не захлопнута на замок. – Она нахмурилась, стараясь что-то вспомнить. Но не вспомнила и надолго замолчала.

– Дверь не захлопнута на замок, – подсказал Фризе. – Ты вошла?

– Вошла, вошла. Свет не зажигала. Достала из рюкзака ИЖ, скинула туфли и пошла на свет.

– На свет?

– Да. Свет горел только в кабинете.

«Опять двадцать пять, – огорчился Фризе. – Квартира пустовала недолго. Кто мог знать, что я ушел и не поставил ее на охрану?»

Уже трижды за последние пять лет в его квартиру пытались проникнуть разные люди. Преступники. Однажды смогли залезть, когда была включена сигнализация. К счастью, ничего не украли.

Он оглядел стены кабинета. Все «голландцы» мирно висели на своих местах. И оружие не тронули. «Молодец, Галочка, вовремя поспела. Вот только рисковала...»

– Ты открыла дверь в кабинет, – Фризе направлял ее, как ребенка, – и?..

– Чуть-чуть приоткрыла, – поправила Галина. – И увидела твою задрыгу, которая шарилась в письменном столе. Ящик за ящиком вынимает и шурует, шурует!

– Прекрасно. Ты вполне очухалась, – засмеялся Владимир, уловивший в голосе Дюймовочки сварливые нотки. – Остается выяснить, какая из моих «задрыг» рылась в столе. А главное – как она с тобой справилась? Ключнула в темечко?

– Свят-свят! Не скочи на шею! – Девушка трижды перекрестилась.

У Фризе отлегло от сердца: значит, не воры, не бандиты, а какая-то «задрыга». Их было совсем немного. Но ни у одной из них не имелось ключей от квартиры. И, самое главное, ни одна из них не пришла бы в его квартиру тайно. И никогда не залезла в его письменный стол.

– Ты чего крестишься? Она такая страшная?

– Свят-свят! – повторила Дюймовочка. И хотела добавить: «Она колдунья». Но тут же представила себе, как будет смеяться над ней Владимир Петрович и при каждом удобном случае вспоминать ее суеверные бредни. И слово «колдунья» так и осталось невысказанным. Но Владимиру хватило и того, что он услышал.

Годы учебы на юрфаке, служба в прокуратуре, общение с интеллигентными людьми – все у Галины Надеждиной отошло на второй план. И пробудилось заложенное в деревенской глуши: «Свят, свят! Не скочи на шею!»

Какой же шок ей пришлось испытать, чтобы такое стало возможным? «Уж во всяком случае, – думал Фризе, – к этому не могла привести встреча ни с одной из моих приятельниц».

– Да скажешь ты наконец, как эта «задрыга» выглядела?

Дюймовочка сползла с дивана на ковер, обняла Владимира и зашептала прямо в ухо:

– У нее буркалы зеленые, большие. Как фары у «мерса». А волосы ржавые.

– Золотистые.

– Ржавые! Ржавые! И платьице стоит дороже «жигулей». Едва титьки прикрыты.

– Малышка, не отвлекайся, – попросил Фризе, уже, предчувствуя – казалось бы, вопреки всякому здравому смыслу, – что за гостя заглянула к нему в его отсутствие.

– Так я все сказала!

– Какого цвета платье?

– Ну... пожалуй... Оранжевое.

– А почему ты оказалась без сознания и на полу?

- Я ей сказала: «Чего роесть в столе Владимира Петровича? Сейчас вызову патруль».
- Ну-ну?
- А она мне: «Наручники наденешь?» Вот курва недорезанная!
- Дальше, дальше. Чем она тебя? Газовым баллончиком?
- Она обозвала меня настырной бабой и...

Ну не повернулся у нее язык сказать Фризе, что потеряла она сознание от одного лишь пронзительного взгляда больших зеленых глаз незваной гостьи. Дюймовочка снова перешла на шепот:

- Наверное, и правда прыснула чем-то. Так, что я и свалилась с катушек. Свят...

Владимир поцелуем заставил ее замолчать. Поцелуй оказался последней каплей. Самообладание покинуло девушку, и она зарыдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.